**Ириней Лионский**

# Обличение и опровержение лжеименного знания

(Против ересей)

**книга вторая**

*1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35*

## Предисловие

1. В первой книге, предшествующей этой, обличая «лжеименное знание» (1 Тим. 6:20), я показал тебе, мой возлюбленный, что все, что многими и противоположными способами измышлено последователями Валентина, есть ложь; изложил также мнение их предшественников, доказывая, что они разногласят друг с другом, а еще прежде с самою истиною. Представил также со всею тщательностью учение и образ действие принадлежащего к ним волхва Марка и точно показал, что они выбирают из Писаний и стараются приспособить к своему вымыслу. Я подробно рассказал, как они смело пытаются подтверждать истину посредством чисел и двадцати четырех букв алфавита. Показал также, как они говорят, что творение произошло по образу их невидимой Полноты, и что они думают и учат о Создателе (Демиурге), и обнаружил учение их родоначальника, самарянина Симона волхва и всех его последователей. Также привел множество появившихся от него гностиков, заметил различие их между собою, учение и порядок их преемства и упомянул о всех основанных ими ересях. Далее я показал, что все сии еретики, получив начало от Симона, внесли в эту жизнь свои безбожные и нечестивые учения; представил их «искупление» и способ посвящения всех, которые сделались «совершенными», а также их призывание и таинства, и показал, что един есть Бог Творец, и что Он не плод недостатка, и что ничего нет выше Его, и ниже Его.

2. В настоящей же книге я изложу то, что мне удобно и что позволяет время, и опровергну во многих главах все их учение; по этой причине так и озаглавил я это сочинение, так как оно есть обличение и опровержение их учения. Ибо надлежит открыть и опровергнуть их сокровенные сочетание и самую Глубину, и доказать, что она никогда не была и теперь не существует.

## Глава I.

**О том, что един есть Бог, и что ни выше, ни ниже Его не может быть другого Бога, Начала, Полноты или Силы.**

1. Надлежит начать с самой первой и важнейшей главы, с Бога Творца, Который сотворил небо и землю и все, что в них, и Которого они богохульно называют плодом недостатка, и показать, что нет ничего ни выше, ни ниже Его: что Он, не принужденный кем-либо, но по своей воле и свободно сотворил все, так как Он един есть Бог, един Господь, един Творец, един Отец, и един содержит все и всему дает бытие.

2. Ибо как может выше Его быть другая полнота, начало или сила или другой бог, когда необходимо, чтобы Бог, Полнота всего, содержал все в своей неизмеримости, и никем не был содержим? Но если есть нечто вне Его, то Он уже не Полнота всего, и не все содержит. Ибо Полноте, или возвышенному над всем Богу, недостает того, что, как они говорят, вне Его. Но что имеет недостаток, и от чего отнято что-либо, то не есть Полнота всего. Он также будет иметь начало, средину и конец в отношении к находящимся вне Его. Но если Он имеет конец во отношении к тому, что ниже, то имеет и начало в отношении к тому, что выше. Равным образом необходимо Он должен испытывать тоже самое с прочих сторон и содержаться, ограничиваться и замыкаться теми (существами), которые находятся вне Его, ибо предел снизу необходимо ограничивает и окружает того, кто оканчивается на нем. Таким образом, по их мнению, Отец всего — Которого они называют Предсуществующим и Первоначалом — с их Полнотою (Плиромою) и благой Бог Маркиона будет во что-то вделан, включен, и окружен другою силою, которая должна необходимо быть больше Его, потому что то, что содержит, больше того, что содержится; большее же сильнее и наиболее могущественно, а то, что есть больше, сильнее и могущественнее, то будет Бог.

3. Если, по их взгляду, существует также нечто, что, по словам их, находится вне Полноты, во что взошла высшая заблудившаяся сила, то вполне необходимо, чтобы или внешнее содержало, а Полнота была содержима; — иначе оно не было бы вне Полноты, ибо если есть что-либо вне Полноты, то Полнота будет находиться внутри того, что, по их словам, вне Полноты, и Полнота будет содержима тем, что вне; с Полнотою же подразумевается и первый Бог, — или Полнота и то, что вне ее, были бы неизмеримо далеко отделены и отстояли друг от друга. Если же они это последнее скажут, то окажется третье, что неизмеримо далеко разделяет Полноту и то, что вне ее; и это третье будет ограничивать и окружать то и другое; а это третье, включая как бы обоих в своем лоне, будет больше и Полноты и того, что вне ее, и такая речь о том, что содержится, и о том, что содержит, будет простираться в бесконечность. Ибо, если это третье начинается в высшем и кончается в низшем, то необходимо должно оно ограничиваться и со сторон, или начинаясь, или оканчиваясь на каких-либо других пунктах; а это опять так же, как высшее и низшее, должно начинаться на чем-либо другом, и так далее в бесконечность; так что их мысль никогда не остановится на одном Боге, но вследствие расположение искать более чем существует, нападает на то, что не существует, и удаляется от истинного Бога.

4. Эти замечания подобным образом приложимы и к последователям Маркиона, ибо его два бога также будут окружены и ограничены неизмеримым промежутком, разделяющим их одного от другого. А тогда необходимо допустить множество богов со всех сторон, отделенных друг от друга на неизмеримое расстояние, начинающихся один около другого и кончающихся один в другом. Таким же образом заключения, какие они употребляют, уча, что выше Творца неба и земли есть какая то Полнота, или Бог, кто-нибудь может воспользоваться и утверждать, что выше Полноты есть другая Полнота, выше этой опять другая, и выше Глубины другой океан божества, и что то же самое имеет место также и по сторонам; и таким образом мысль, простираясь в бесконечность, необходимо должна будет выдумывать все новые Полноты и новые Глубины, и никогда не остановиться ища, кроме упомянутых, все новых богов. Кроме того будет неизвестно,

представляемые нами вещи существуют ли внизу или вверху, и относительно тех вещей, о которых они говорят, что они вверху, действительно ли они вверху или внизу, и наш разум не будет иметь никакой устойчивости и твердости, но по необходимости будет теряться в неизмеримых мирах и бесчисленных богах.

5. И если это так, то каждый бог будет довольствоваться своим и не заботиться о чужом: в противном случае он будет несправедливым и алчным, и перестанет быть тем, что есть Бог. И каждое создание будет прославлять своего творца, довольствоваться им и не знать другого; в противном случае по справедливости, оно будет обличено всеми в богоотступничестве и подвергнется заслуженному наказанию. Ибо должно быть, чтобы был или один Бог, Который все содержит, и все, что сотворил в Своем царстве, сотворил по Своему хотению, или чтобы были многие бесчисленные творцы и боги, со всех сторон начинающиеся один около другого и кончающиеся один в другом; и необходимо будет признать, что все прочие содержатся кем-либо другим большим, и каждый из них как бы заключен в своей области, но ни один из них не есть Бог. Ибо у каждого из них, так как он владеет только очень малою частью, будет многого недоставать в сравнении со всеми прочими; и таким образом рушится имя Всемогущего, а такой взгляд необходимо впадает в нечестие.

## Глава II.

**Мир был сотворен не ангелами, или кем-либо другим, против воли Высочайшего Отца всего, но Самим Отцом чрез Слово.**

1. Те, которые говорят, что мир создан против воли Всевышнего Отца ангелами, или каким-либо другим мироздателем, заблуждаются, прежде всего в том, что утверждают, будто такой и столь великий мир произведен ангелами против воли первого Бога; как будто ангелы деятельнее Бога, или как будто Он ленив, или ниже их, или не заботится о том, что происходит в Его владениях — худое или доброе, так чтобы Он одно мог разрушить и запретить, а другое хвалить и радоваться о том; но этого никто не приписывает даже человеку, сколь ни будь умному, тем более Богу.

2. Потом, пусть они нам скажут: внутри ли того, что Им обнимается, и в Его ли области было это сотворено, или же в чужом и вне Его находящемся владении? Если они скажут, что вне, то все прежде упомянутые несообразности встретятся им, и первый Бог будет замкнут тем, что вне Его и в чем Он необходимо будет иметь конец. Если же напротив скажут, что это сотворено в Его владении, то весьма нелепо будет сказать, что в Его владении мир сотворен против Его воли ангелами, которые сами подчинены Ему, или кем-либо другим, как будто Он или не видел всего, что в Его владении, или не знал, что будет сделано ангелами.

3. Но если мир сотворен не против воли Бога, но по Его воле и с Его ведома, как некоторые из них думают, то уже не ангелы или какой-либо мироздатель будет причиною этого творения, но воля Божия. Потому что, если Он Творец мира, то Он также сотворил и ангелов, или по крайней мере был причиною их сотворения; и окажется, что мир сотворил Тот, Кто предуготовил причины к его сотворению. Хотя они говорят, что ангелы в длинном ряду постепенности, или мироздатель, как говорит Василид сотворены Первым Отцом, — тем не менее причина сотворенного восходит опять к тому, кто был виновник такой постепенности, подобно тому, как успех войны приписывается царю, приготовившему то, что было причиною победы; создание города, или вообще какого-либо дела — тому, кто приготовил причины для исполнение того, что после сделано.

Поэтому, также мы не говорим, что топор рубит, или пила пилит дерево, но совершенно правильно можно сказать, что рубит и пилит человек, устроивший для сего топор и пилу, и еще прежде все орудия, посредством которых были сделаны топор и пила. Итак, согласно с таким образом заключения, можно справедливо сказать, что Отец всего есть Творец этого мира, а не ангелы и не другой какой-либо мироздатель кроме Того, Кто был его виновником и еще прежде был причиною приготовление такого рода творения.

4. Быть может, эта речь будет убедительна или уважительна для людей, не знающих Бога и уподобляющих Его бедным и таким людям, которые ничего не могут сделать прямо из материала, но нуждаются для своего дела во многих орудиях; но она совершенно невероятна для тех, которые знают, что Бог ни в чем не нуждается, что Он все сотворил и создал Словом Своим, что Он для творения не нуждался ни в помощи ангелов, ни в какой-либо силе, далеко низшей Его и не знающей Отца, ни в недостатке или неведении, чтобы образовать человека, имеющего познавать Его; но что Он Сам в Себе неизреченным и недомыслимым для нас образом, все предопределяя, сотворил, как восхотел, всему даруя согласие, назначая порядок и начало создания, духовным существам даруя природу духовную и не видимую, пренебесным — небесную, ангелам — ангельскую, животным — животную, плавающим — приспособленную к воде, живущим на суше — приспособленную к суше, и всем пригодную для них природу и, что все сотворенное Им, сотворил Своим неустанным Словом.

5. Ибо в том превосходство Бога, что Он не нуждается в других орудиях для произведения созданного, но Его собственное Слово способно и достаточно для создание всего, как о нем и говорит Иоанн, ученик Господа (Ин. 1:3) *«все произошло чрез Него и без Него не начало быть ничто»*. Во «всем» же заключался наш мир. Поэтому Он сотворил его Словом, как книга Бытие говорит, что все с нами существующее Бог сотворил Словом Своим. Подобно сему говорит и Давид: *«Он сказал и было, Он повелел и создалось»* (Пс. 32:9; 148:5). Кому же мы должны более верить относительно создания мира — вышепоименованным ли еретикам, болтающим такие глупости и нелепости, или ученикам Господа и верному рабу Божию и пророку Моисею, который с самого начала изложил о творении мира, говоря: *«вначале сотворил Бог небо и землю»* (Быт. 1:1) и все прочее, а не боги и ангелы?

6. А что сей Бог есть Отец Господа нашего Иисуса Христа, об этом сказал апостол Павел: *«Един Бог Отец, Который над всеми, и чрез все и во всех нас»* (Еф. 4.6). Теперь я уже показал, что един есть Бог, далее докажу это из самих апостолов и из слов Господа. Какое же дело, — оставляя слова пророков, Господа и апостолов, — внимать тем, которые не говорят ничего здравого?

## Глава III.

**Глубина и Полнота валентиниан, равно и Бог Маркиона, нелепы.**

1. Итак их Глубина с ее Полнотою и Бог Маркиона не состоятельны. Ибо если она имела, как они говорят, нечто вне себя, называемое ими пустотою и тенью, то эта пустота оказывается больше их Полноты. Не состоятельно также их утверждение, что, тогда как Глубина содержит все внутри себя, мир сотворен кем-то другим. Они необходимо должны признать ниже духовной Полноты нечто пустое и безвидное, в чем произведен был этот мир, и что Первоотец с намерением оставил это безвидное так (как оно было), или наперед зная, что будет в нем, или не зная. Если он не знал, то Бог не будет предведущим все, и они не могут привести оснований, почему Он это место в течение столь долгих времен

оставлял пустым. Если же Он наперед знал это и умственно созерцал творение, имевшее явиться в этом месте, то Он Сам его, произвел, преобразовав его в Себе Самом.

2. Итак пусть они перестанут говорить, что мир сотворен кем-либо другим, потому что как скоро Бог что-либо возымел в мысли, то уже и совершилось то, что он возымел в мысли. Ибо невозможно было, чтобы один что-либо имел в мысли, а другой приводил в исполнение то, что зачато тем в мысли. Но согласно мнению еретиков, Бог замыслил мир или вечный или временный; — то и другое предположение не могут быть истинны. Если бы Он мыслил его вечным, духовным, невидимым, то Он и сотворил бы его таким. Но если он таков, каков есть, то таковым произвел его Тот, Кто мыслил его таким. Или он в вечном бытии Отца имел быть согласно Его мысли таковым — сложенным, изменчивым и преходящим. Если же он таков, каким представлял его в Себе Отец, то он есть достойное творение Отца. Но то, что мыслил Отец всего и так преобразовал, как и было сотворено, называть плодом недостатка и порождением неведения, — это есть великое богохульство. Ибо, по их взгляду, Отец всего сообразно своей мысли должен породить в своем сердце истечение недостатка и плоды неведения; так как что он замыслил, то и произошло.

## Глава IV.

**Доказывается нелепость еретиков относительно пустоты и недостатка.**

1. Нужно таким образом отыскивать причину этого устроения Божия, а не приписывать сотворение мира другому; нужно говорить, что все наперед было приготовлено Богом, чтобы быть таким, каким сотворено, а не выдумывать тень и пустоту. Откуда, спросят в прочем, пустота? Произведена ли она также принимаемым ими Отцом и виновником всего, и она равночестна и родственна прочим эонам, а быть может, старше их? Если она произведена тем же самым, то она подобна производителю и тем, которые произведены вместе с нею. Из этого вполне необходимо следует, что и их Глубина вместе с Молчанием подобна пустоте, т. е. пуста; и прочие эоны, как братья пустоты, по природе пусты. Если же она не произведена, то она сама собою явилась и от себя родилась и равновременна с Глубиною, которая, по их мнению, есть Отец всего, и таким образом пустота будет иметь ту же самую природу и ту же честь с Тем, Кто, по их мнению, есть Отец всего. Ибо необходимо, чтобы она или была произведена кем-либо, или родилась и произошла сама собою. Если же теперь пустота произведена, то пуст также ее производитель Валентин, и пусты также все его последователи. Если же она не произведена, но появилась сама из себя, то пустота братски родственна, подобна и равночестна возвещенному Валентином Отцу, но далеко старше, древнее и почтеннее прочих эонов самого Птолемея, Гераклеона и всех других, держащихся того же мнения.

2. Но если они пристыженные этим признаются, что Отец всего все содержит, и вне Полноты ничего нет, — ибо вполне необходимо, чтобы она ограничивалась чем-либо большим, — и то, что говорят они вне и внутри, относится к ведению и неведению, а не к местному расстоянию, и что в Полноте, или в том, что содержится Отцом, все, произведенное Демиургом и Ангелами, и о чем мы знаем, что оно сотворено, обнималось неизреченною величиною, как бы центр в круге, или пятно на одежде; то во-первых, какая же эта будет Глубина, которая допускает быть в ее недре пятну и позволяет кому-то другому в ее же области создавать или производить вопреки ее воле. Ибо это нанесло бы бесчестие всей Полноте, коль скоро она вначале могла бы устранить этот недостаток и происшедшие от него истечение и не допустить образоваться творению в неведении, в страсти или в недостатке. Ибо кто после исправляет недостаток и очищает его, как пятно, — мог гораздо прежде позаботиться, чтобы в его области с самого начала не было такого

пятна. Или если он вначале допустил это, так как сотворенное не могло быть произведено иначе, — то оно должно и всегда быть в таком же виде. Ибо как после может быть исправлено то, что не могло быть исправлено вначале? Или могут сказать, что люди призваны к совершенству, если уже самые причины которыми произведены люди, сам Демиург и Ангелы оказываются с недостатком? И если верховное существо по благости своей сжалилось над людьми в последние времена и дарует им совершенство, то оно должно было бы сначала сжалиться над создателями людей и доставить им совершенство. Таким образом конечно и люди приняли бы участие в его сострадании, будучи сотворены от совершенных совершенными. Ибо, если оно сжалилось над их произведением, то гораздо прежде должно было сжалится над ними самими, а не допускать их впасть в такую слепоту.

3. И толки их о тени и пустоте, в которых, по их словам, произошло рассматриваемое нами творение, разрушатся, если они сотворены в области, обнимаемой Отцом. Ибо, если они считают свет их Отца таким, что Он мог наполнять и освещать все, находящееся внутри его, — то как могла Пустота или тень быть в том, что обнимаемо было Полнотою и отеческим светом? Они должны внутри Первоотца или Полноты указать место, неосвещенное и никем не занятое, в котором Демиург или Ангел создали, что им было угодно. И место, в котором произведено такое и столь великое творение, не малое. Посему, вполне необходимо им выдумать внутри Полноты или внутри их Отца нечто, по пространству пустое, безвидное и темное, в котором было произведено сотворенное. А таким образом, свет их Отца подвергнется упреку в том, что не мог осветить и наполнить того, что внутри Его. Итак, называя это творение плодом недостатка и делом заблуждения, чрез это привносят недостаток и заблуждение в Полноту и в самое лоно Отца.

## Глава V.

**Мир не был создан кем-либо другим в области, принадлежащей Отцу.**

1. Сказанное мною прежде идет и против тех, которые говорят, что этот мир сотворен вне Полноты, или ниже благого Бога, и они вместе с своим Отцом будут замкнуты тем, что вне Плиромы, и в чем должно найти свои границы. Утверждающие же, что в том, что обнимается Отцом, этот мир создан другими существами, встретятся со всеми приведенными нами несообразностями и противоречиями и будут принуждены или признать все находящееся внутри Отца светлым, полным и действенным, или обвинять свет Отца, что он не мог все осветить; или должны признать, что и вся их Полнота, как и часть ее, пуста, беспорядочна и темна, и все прочие существа подвергнуть обвинению, как будто они временны, и если вечны — все-таки вещественны. Но они должны быть чужды такого обвинения, коль скоро находятся внутри Плиромы и в недре Отца; или обвинение падут также на всю Полноту, и таким образом их Христос окажется причиною неведения. Ибо, по их словам, Он, образовав по сущности Свою мать, изгнал ее из Плиромы, т. е. отлучил ее от знания. Значит, Он отлучив ее от знания, произвел в ней неведение. Как же мог тот же самый доставить знание прочим эонам, бывшим прежде его, тогда как он есть причина неведение своей матери? Ибо он поместил ее вне знания, когда изгнал ее из Полноты.

2. Если далее выражение внутри и вне Полноты относятся к знанию и незнанию, как некоторые из них говорят, то, поелику кто имеет знание, тот внутри того, что знает, — должны они сознаться, что Сам Спаситель, — Которого они называют все, — был в неведении. Ибо, говорят они, вышедши вне Плиромы, образовал их мать (Ахамоф). Если

же, поэтому, они находящееся вне называют неведением всего, а Спаситель вышел вне для образования их матери, то он сделался вне знания всего, т. е. стал в неведении. Каким же образом Он мог доставить ей знание, когда и Сам находился вне знания? Поэтому и мы, говорят они, будучи вне их знания, находимся вне Плиромы. И еще: если Спаситель оставил Плирому, чтобы сыскать потерянную овцу, — а Плирома есть знание, — То Он был вне знания, т. е. в неведении. Посему или должны они то, что вне Плиромы, понимать пространственно, и они впадут во все указанные противоречия; или если они, что внутри Плиромы, относят к знанию, а что вне — к незнанию, то их Спаситель, и еще гораздо прежде Христос, были в неведении; так как они для образования их матери выходили из Плиромы, т. е. из знания.

3. Эти доводы подобным образом применимы и против всех, которые каким-либо образом говорят, что мир сотворен Ангелами или кем-либо другим, кроме истинного Бога. Ибо обвинения, которые они приводят против Демиурга и против сотворенного вещественным и временным, падают на Отца, если действительно сотворенное в недре Плиромы тотчас начало разрушаться с дозволения и с согласия Отца. Таким образом не устроитель мира есть причина этого творения, думая, что он очень хорошо устрояет его, но тот, кто это дозволяет и соглашается, чтобы в его области появились произведение недостатка и дела заблуждения, и чтобы в вечном было временное, в нетленном тленное, в истинном ложное. Если же это сотворено без согласия и одобрения Отца всего, то сотворивший в Его собственности то, чего Он не дозволил, могущественнее, тверже и сильнее Его. Если же их Отец, не соглашаясь, допустил это, как некоторые говорят, то Он или мог воспрепятствовать, но по некоторой необходимости допустил, или не мог. Если Он не мог, то Он слаб и бессилен; если же мог, то Он — обольститель, лицемер и раб необходимости, так как Он хотя и не одобрял, но дозволив, как будто одобрял. И допустив в начале появиться и произрасти заблуждению, Он старается впоследствии уничтожить его, после того как уже очень многие несчастно погибли, вследствие (первоначального) недостатка.

4. Неприлично говорить, что всевышний Бог, будучи свободен и самовластен, был рабом необходимости, так что нечто произошло по Его попущению, но против Его желания, иначе они признают необходимость больше и могущественнее Бога; так как-то, что имеет большее могущество, выше всего другого. Он должен был вначале устранить причины необходимости, а не поддаваться необходимости, допуская нечто, Ему неприличествующее. Было бы гораздо лучше, последовательнее и богоприличнее в начале уничтожить начало такой необходимости, чем после, как бы раскаявшись, стараться искоренить достигшие такого развития последствия этой необходимости. И если Отец всего будет раб необходимости и должен уступать судьбе, неохотно терпя то, что происходит, и ничего не может сделать против необходимости и судьбы, — так же, как Юпитер у Гомера, говорящий о необходимости: «я дам тебе охотно, но не хотя»; — тогда согласно с таким рассуждением и их Глубина окажется рабом необходимости и судьбы.

## Глава VI.

**Ангелам или мироздателю не мог быть неведом Высочайший Бог.**

1. Но как Ангелы или мироздатель не ведали первого Бога, когда они находились в Его области, были Его тварями, и Им были содержимы? Он мог быть для них не видим по своему превосходству, но ни как не мог быть неведом по Своему провидению. Пусть они были весьма далеко отдалены от его низостью своей природы, как говорят, все-таки, поелику Его господство простирается на всех, они должны были ведать своего Владыку и

именно знать то, что сотворивший их есть Господь всего. Ибо, так как невидимая Его сущность могущественна, то доставляет всем глубокое умственное созерцание и восприятие Его могущественного и всемогущего величия. Поэтому, хотя *«никто не знает Отца кроме Сына, ни Сына кроме Отца и того, кому Сын откроет»* (Мф. 11:27); однако все знают — так как насажденный в их умах разум движет их и открывает им, — по крайней мере то, что един есть Бог, Господь всего.

2. И поэтому, имени Всевышнего и Всемогущего подчинено все, и чрез призывание Его люди еще до пришествия Господа нашего спасались от злых духов, всякого рода демонов и всякой богоотступной силы. Не то, чтобы земные духи или демоны видели Его, но они знали, что есть Всевышний Бог, имени Которого трепещут, как трепещет всякая тварь, начальство, власть и всякая подчиненная Ему сила. Если состоящие под римским владычеством, хотя никогда не видали императора и весьма отдалены от него морем и сушею, но по управлению знают того, кому принадлежит верховная власть в государстве; то неужели высшие нас Ангелы — или так называемый мироздатель, не знают Всемогущего, когда и безгласные животные трепещут и падают при призывании Его имени? И как имени нашего государя, хотя его не видели, все подчинено, точно также (все подчинено имени) и Того, Кто все сотворил и произвел словом, и кроме Которого нет другого Творца мира. И поэтому, иудеи до нынешнего дня Его именем прогоняют демонов, потому что все страшится имени своего Творца.

3. Поэтому, если не хотят, чтобы Ангелы были неразумнее бессловесных животных, то найдут, что они, хотя и не видели Всевышнего Бога, однако должны знать Его силу и власть. Ибо поистине смешно, когда они утверждают, что сами они, находящиеся на земле, знают Всевышнего Бога, Которого они никогда не видали, и напротив того не допускают, чтобы Сотворивший, по их мнению, весь мир, хотя Он живет на высотах и выше небес, знал то, что сами знают, хотя и живут внизу. Разве, может быть, скажут, что их Глубина находит ее под землею в тартаре, почему они и узнали Его прежде живущих на высоте Ангелов! Вот до какого безумия они доходят, что Создателя мира называют неразумным. И поистине они достойны сожаления, когда говорят в столь великом безумии, что Он (Создатель мира) не знал ни матери, ни семени ее, ни Плиромы эонов, ни Первоотца, ни того, что Он создал, но что это суть подобие того, что внутри Плиромы, так как Спаситель тайно сделал то, чтобы они так были созданы в честь горних существ.

## Глава VII.

**Твари не суть подобие эонов, находящихся в Плироме.**

1. Итак, по их словам, без ведома мироздателя, Спаситель почтил Плирому сотворением чрез посредство матери, произведши подобие и образы высшего. Но я уже показал, что невозможно, чтобы вне Плиромы было нечто такое, в чем, по их мнению, сотворены были подобие того, что находится внутри Плиромы, или чтобы этот мир был создан кем-либо другим, а не первым Богом. Но если хорошо вполне опровергнуть их и уличить как лгунов, то скажу против них, что если вещи (сего мира) были сотворены Спасителем в честь горнего, по Его подобию, то они должны бы всегда пребывать, чтобы почтенное постоянно находилось в чести. Но если эти вещи приходят, то какая польза от такой кратковременной чести, которой никогда не было, и которая опять окончится? В таком случае Спаситель, как я покажу, более стремился к суетной славе, чем оказал честь горнему. Ибо какая честь для вечного, всегда пребывающего, временное, для неизменяемого преходящее, для неразрушимого тленное? И у людей, которые сами

временны, не имеет достоинства скоропреходящая честь, но только та, которая продолжается, сколь возможно, долее. Посему, по справедливости можно сказать, что вещи, исчезающие тотчас после своего происхождения, скорее сотворены в бесчестие тем, о которых думают, что они почтены ими; и что вечное терпит бесчестие с повреждением и разрушением его образа. Но что, если бы их мать не плакала, не смеялась и не приходила в отчаяние? Тогда Спаситель не имел бы, чем почтить Полноту, потому что последнее смешение ее не имело собственной сущности, посредством которой мог быть почтен Первоотец.

2. О тщеславная честь, быстро исчезающая, и уже непоявляющаяся! Будет эон, который вовсе не будет иметь такой чести, и горнее поэтому будет без чести; или необходимо будет опять произвести для чести Плиромы другую плачущую и смущенную мать. Какой несоответственный и в то же время постыдный образ! Образ Единородного, скажете вы мне, произведен мироздателем, — Которого почитаете также Умом Отца всего, — и этот-то образ не знает самого себя, не знает ни творений, ни матери, ни всего существующего и им сотворенного; и вы не краснеете сами перед собою, возводя неведение до самого Единородного? Ибо если эти вещи сотворены Спасителем по подобию горнего, и сам (Демиург), который произведен по подобию, был в столь великом неведении, то необходимо такое неведение в духовном отношении должно существовать около Того и в Том, по подобию Которого был произведен неведущий. Ибо невозможно, чтобы когда они оба были произведены духовным образом, а не образованы или составлены, в одном удержалось подобие, а в другом утратился образ подобия, который для того и был произведен, чтобы быть сходным с образом горнего произведения. И если он не сходен, то вина падет на Спасителя, Который произвел, подобно негодному художнику, несхожий образ: ибо они не могут сказать, что не имел силы произвести Спаситель, Которого они называют «все». Если поэтому, образ несходен, то плох художник, и вина падает на их Спасителя. Если же он сходен, то такое же неведение окажется и в уме их Первоотца, т. е. в Единородном; и Ум Отца не знал Самого Себя, не знал и Отца, не знал и того, что Сам произвел. Если же Он это знал, то необходимо и произведенный по Его подобию Спасителем должен знать то, что подобно; и таким образом по их же началам разрушается их богохульное учение.

3. Сверх того, как твари, столь различные, разнообразные и бесчисленные, могут быть образами тех тридцати эонов внутри Плиромы, имена которых, какие дают эти люди, привел я в предшествующей книге? И не только разнообразие целого творения, даже разнообразие одной какой-либо части его, обитателей ли неба или земли или воды, не могут они привести в согласие с малостью их Плиромы. Ибо сами они свидетельствуют, что их Плирома состоит из тридцати эонов, а что в одной из названных частей творения насчитывается не тридцать, но много тысяч видов, — это всякий согласится показать. Каким же образом разнообразные твари, так различные по своей природе, воюющие друг против друга и друг друга умерщвляющие, могут быть образами и подобиями тридцати эонов Плиромы, когда сии, по словам их, имеют одну природу, одинаковы по своим свойствам и не имеют никакого различия? И если эти твари суть подобие тех (эонов), то, называя некоторых людей от природы добрыми, других от природы злыми, должны они показать такое же различие и в их эонах и говорить, что одни из них произведены от природы добрыми, а другие от природы злыми, дабы предполагаемые ими образы соответствовали эонам. Кроме того, так как в мире одни твари ручные, другие дикие, одни безвредны, другие вредны, и прочих умерщвляют, и одни живут на суше, другие в воде, иные в воздухе, другие на небе, — то должны они также доказать, что и эоны имеют такие же свойства, если одни суть образы других. Далее должны они объяснить, кого из горних эонов представляет подобие *«вечный огонь,*

*который уготовал Отец диаволу и ангелам его»* (Мф. 25:41), потому что и он причисляется также к творению.

4. Если они говорят, что эти вещи суть образы Помышления, впавшего в страсть эона, то нечестиво поступают, во-первых, в отношении к их матери, объявляя ее виновницею злых и преходящих образов. Во-вторых, как могут многие, несходные и по природе противоположные твари быть образами одного и того же? Если они скажут, что в Плироме много ангелов, и многие твари суть их образы, то и это основание их не устоит. Ибо, во-первых, должны они показать противоположные друг другу различия ангелов Плиромы, так как и дольние образы их по природе своей противоположны между собою. И так как даже многие и бесчисленные ангелы окружают Творца, как все пророки признают, что *«тьмы тем предстоят пред Ним и многие тысячи тысяч служат Ему»* (Дан. 7:10), — то согласно с мнением их, ангелы Плиромы будут иметь своими образами ангелов Творца, а все творение пребывает образом Плиромы; в таком случае тридцать эонов не могут соответствовать многообразному различию творения.

5. Еще далее, если дольние вещи образованы по подобию горних, то по подобию чего будут опять сотворены эти последние? Если мироздатель сотворил их не от самого себя, но, как незначительный художник и начинающий учится мальчик, заимствовал из чужих первообразов, — откуда же их Глубина получила образец для своего первого произведения? Ясно таким образом, что эта должна была взять образец от другого, высшего ее; а этот опять от другого. И речь о подобиях нисколько не менее, как речь о богах, будет простираться в бесконечность, если мы не утвердим нашу мысль на одном художнике, и на Едином Боге, Который сотворил Сам по Себе созданное Им. Или кто, допуская в отношении к людям, что они сами по себе изобретают что-либо полезное для жизни, — в отношении же к Богу, сотворившему мир, не допустит, что Он Сам произвел образ сотворенного и изобрел прекрасное устройство его.

6. Опять, каким образом эти вещи могут быть образами горних, когда они им противоположны и ничего не могут иметь с ними общего? Но вещи противоположные могут быть разрушительными для тех, которым они противоположны, но никак их подобиями; как, например, вода и огонь, свет и тьма, и многое другое, никак не могут быть друг другу подобиями. Таким же образом вещи телесные, земные, сложные и преходящие не будут образами тех существ, которые, по их мнению, духовны; если они не допустят, что и эти также сложны, ограничены пространством, имеют фигуру и уже не духовны, не разлиты широко и необъятны. Ибо, чтобы быть им истинными образами, должны они иметь вид и ограничение, а в таком случае ясно, что они не духовны. Если же они называют их духовными, неограниченными и необъятными, как могут вещи, имеющие вид и ограниченные пределами, быть образами того, что не имеет фигуры и необъятно?

7. Если же они скажут, что эти вещи подобие не по виду и форме, а по числу и порядку произведения, то, во-первых, их нельзя уже назвать образами и подобиями горних эонов. Ибо каким образом вещи, не имеющие ни формы ни вида тех, могут быть их образами? Во-вторых, они должны числа и порядки высших эонов вполне приравнять к числам и порядкам низших творений. Но так как они приводят только тридцать эонов и столь великое множество тварей называют образами этих тридцати, то по справедливости будем обвинять их в неразумии.

## Глава VIII.

**Твари не суть тень Плиромы.**

1. Если же они скажут, что эти вещи суть тень горних, как некоторые из них осмеливаются утверждать, так что они в этом отношении суть образы тех, то должны принять, что и горние существа имеют также тела. Ибо горние тела делают тень, но не духовные существа, так как они не могут бросать тени. Но если мы и согласимся с ними, — хотя это не возможно, — что есть тень у тех духовных и светлых существ, в которую, по словам их, и вошла их мать, то, так как они вечны, и тень, производимая ими, продолжается также вечно, эти вещи уже не преходящи, но пребывают вместе с производящими тень. Если эти вещи приходят, то необходимо преходящи и те, которых они составляют тень, а если они постоянно пребывают, то всегда пребывает и их тень.

2. Но если они скажут, что эта тень существует не потому, чтоб она бросаема была горними существами, но потому, что от них очень удалены дольние вещи, то они обвинят в слабости и незначительности свет их Отца, как будто он не досягал до них и был не в силах наполнить пустоту и разогнать тень, и притом, когда ему никто не препятствовал. Ибо, по их мнению, отеческий свет их перейдет во тьму, помрачится и уничтожится в пустых пространствах, так как он никак не может наполнить все. Итак, пусть они не говорят, что их Глубина есть Полнота всего, если она не наполнила и не осветила пустоту и тень; или пусть не допускается никакой тени и пустоты, если свет их Отца все наполняет.

3. Поэтому вне первого Отца, т. е. вне Всевышнего Бога или Плиромы, не может быть ничего, во что бы, как они говорят, низошло Помышление подвергшегося страсти эона, дабы Плирома, или первый Бог, ничем внешним не ограничивался, не замыкался и не обнимался; не может быть пустоты и тени, когда уже существует Отец, дабы свет Его не терял своей силы и не исчезал в пустоте. Неразумно и нечестиво вымышлять место, где ограничивается и оканчивается Тот, Кто по их мнению, есть Первоотец, Первоначало, Отец всего и самой Плиромы. Не следует также, по приведенным основаниям, говорить, что некто другой произвел в недре Отца столь великое творение, с согласия ли Его или без согласия. Равным образом нечестиво и безумно говорить, что такое творение было произведено ангелами или каким-либо порождением, не знавшим истинного Бога, в Его собственной области. Не может также быть, чтобы земное и вещественное было создано внутри их Плиромы, когда она вся духовна; не может быть, чтобы многие и между собою различные твари были произведены по подобию эонов, когда они, как говорят, не многочисленны, одинакового образования и однородны. Также их толки о тени пустоты оказываются во всем ложными. Вымысел их пуст и учение несостоятельно. Пусты и те, которые слушают их и истинно низвергают себя в глубину погибели.

## Глава IX.

**Творец мира Бог Отец, как постоянно веровала Церковь.**

1. Что Бог есть Творец мира, признают и те, которые различным образом противоречат Ему и однако принимают Его, называя Его творцом и ангелом, — не говоря о том, что Его возвещают все Писания, и Господь учит об этом Отце Небесном, а не о другом, как я покажу в дальнейшей речи. Для настоящего же раза достаточно свидетельство тех, которые держатся учений противных нам, так как все люди соглашаются в этом, — именно древние, главным образом по преданию от первозданного человека, хранили это верование и прославляли Единого Бога, Творца неба и земли;

прочие после них получали от пророков Божиих напоминание об этом, а язычники научались от самого творения. Ибо самое творение указывает на Сотворившего его, самое дело объявляет о Том, Кто его произвел, и мир проповедует Устроившего его. Вся же Церковь по всему миру получила это предание от апостолов.

2. Если таким образом этот Бог, как я упомянул, признается и имеет относительно своего бытия свидетельство от всех, то, без сомнения, выдуманный (еретиками) Отец неизвестен и остается без свидетельства. Ибо Симон, волхв, первый выдавал себя за Высочайшего Бога и говорил, что мир сотворен его ангелами; потом его последователи, как я показал в первой книге, чрез разнообразные мнения распространили нечестивые и безбожные учения против Творца; а эти ученики их делают соглашающихся с ними худшими язычников. Ибо последние «*служат более твари, чем Творцу*» (Рим. 1:25), и тем, «*которые не суть Боги*» (Гал. 4:8) однако они предоставляют первое место Божества Богу Творцу этой вселенной. А те называют Его плодом недостатка, и говорят, что Он имеет животную природу и не знал силы, которая выше Его, когда говорил: «*Я Бог и кроме Меня нет другого*» (Ис. 46:9). Представляя, что Он лжет, они сами лгут, приписывая Ему всякое зло: вымышляя по своему произволу сверх сего существа того, кто не существует, они обличаются в хуле против Бога, Который действительно существует, и в том, что несуществующего Бога выдумывают к своему собственному осуждению. Таким образом, называющие себя «совершенными» и владеющими знанием всех вещей, оказываются хуже язычников и более их богохульствуют в своем учении против Творца своего.

## Глава X.

**Писание превратно изъясняется еретиками; Бог все сотворил из ничего, а не из предсуществовавшей материи.**

1. Итак весьма неразумно, обходя истинного и всеми засвидетельствованного Бога, искать выше Его другого, который не существует и никогда не был никем возвещаем. Ибо, что о нем ничего ясно не было сказано, они и сами свидетельствуют, потому что, превратно приспособляя к вымышленному ими существу притчи, которые сами еще требуют изъяснения, они очевидно производят ныне на свет другого (Бога), прежде никогда не существовавшего. Желая объяснить обоюдные места Писания — обоюдные конечно не в отношении к другому Богу, но в отношении к распоряжениям (истинного) Бога — они сделали другого Бога, свивая, как я сказал, веревки из песка и к меньшему вопросу приплетая больший вопрос. Ибо один вопрос не может получить решение посредством другого, который сам еще требует решения; и у людей, имеющих смысл, обоюдность не будет объясняема посредством другой обоюдности, или загадка — посредством другой труднейшей загадки, напротив такого рода вещи получают свое разъяснение из того, что ясно и согласно между собою.

2. Но сии (еретики), стараясь объяснить места Писание и притчи, поднимают другой, больший и вместе нечестивый вопрос, — выше Бога Творца мира есть ли еще другой Бог, — и не разрешают вопроса, — ибо откуда же? — но с малым вопросом соединяют великий вопрос, и таким образом завязывают неразрешимый узел. И давая знать, что они также знают что Господь в тридцатилетнем возрасте приходил к крещению истины, но не разумнее сего, нечестиво унижают Самого Бога Творца, пославшего Его для спасения людей; и чтобы казаться, что они могут объяснить, откуда существо материи, — не веруя, что Бог все сотворенное призвал, как хотел, в бытие из ничего и пользовался для сего Своею волею и могуществом, — составили свои нелепые речи и показали только

свое неверие истине, ибо, не веруя в существующее, впали (в веру) в то, что не существует.

3. Ибо, когда они говорят, что из слез Ахамофы произошло влажное вещество, из смеха светлое, из печали твердое, а из страха движущееся, и этим превозносятся, как высокою мудростью, — то не достойно ли сие осмеяние и не смешно ли поистине? Они не веруют, что Бог, будучи могуществен и всем богат, сотворил самую материю, не зная, как могуча духовная и божественная сущность; но верят, что их мать, называемая ими женою от жены, произвела от вышеназванных страстей столь великую материю творения. Они спрашивают, откуда досталось Творцу вещество создания, но не спрашивают, откуда их мать, называемая ими Помышлением и порывом блуждающего эона, получила так много слез, поту, печали и прочего истечения материи.

4. Приписать существо сотворенного силе и воле Того, Кто есть Бог всего, — это достойно веры и удобоприемлемо, согласно с разумом и вполне одобрительно, ибо «*невозможное человекам возможно Богу*» (Лк. 18:27) Между тем как люди могут делать что-либо не из ничего, но из подлежащей материи, Бог особенно превосходит людей тем, что Он Сам призвал в бытие материю Своего создания, которая прежде не существовала. Говорить же, что материя произведена Помышлением блуждающего эона, и что этот зон отделился от своего Помышления, и что потом его страсть и чувство опять отдельно от него самого стало материею, — это невероятно, нелепо, невозможно и несостоятельно.

## Глава XI.

**Еретики, не веруя истине, впали в бездну заблуждения.**

1. Они не веруют, что Всевышний Бог Словом Своим в собственной Своей области сотворил, как хотел, разнообразные и различные существа, будучи Создатель всего, как мудрый художник и величайший царь, но веруют, что ангелы или какая-либо отдельная от Бога и не знающая Его сила сотворила эту вселенную; таким образом, не поверив истине, но блуждая во лжи, они потеряли хлеб истинной жизни и впали в пустоту и бездну тени, подобно той собаке Эзопа, которая выпустила хлеб и, бросившись за тенью его, потеряла настоящую пищу. Легко также доказать из самых слов Господа, что Он признает единого Отца и Творца мира и Создателя человека, Которого возвещали закон и пророки, и не знает никакого другого, и что Сей есть Всевышний Бог, и что Он учит, что принятие сынов к Отцу, т. е. вечная жизнь, совершается чрез Него, дающего ее всем праведным.

2. Но так как они любят обвинять нас и, подобно клеветникам, поносят беспорочное, приводя против нас множество притчей и вопросов, то заблагорассудил я, с своей стороны, прежде всего представить несколько вопросов касательно их мнений, открыть их невероятность и сокрушить их дерзость; потом, намерен я привести слова Господа, дабы они не только не могли нападать на нас, но и, будучи не в состоянии разумно отвечать на предлагаемые вопросы, увидали, что их доказательства опровергнуты, и или обратились к истине и, смирившись и отказавшись от своих разнообразных фантазий, умилостивили Бога за свои хуления на Него и получили спасение; или, если они пребудут в тщеславии, овладевшем их душою, изменили свой способ доказывания.

# Глава XII.

**Тридесятица у еретиков страдает и недостатком и излишеством; Мудрость не могла произвести ничего без связи с своим супругом. Слово и Молчание не могли быть современны.**

1. Прежде всего об их Тридесятице замечу то, что вся она удивительно падает с двух сторон: со стороны недостатка и излишества. Они говорят, что Христос тридцати лет пришел к крещению; это утверждение их ведет к очевидному ниспровержению всего их доказательства. Недостаточность их Тридесятицы видна из следующего: во-первых, они причисляют к прочим эонам еще Первоотца. Ибо Отец всего не должен быть счисляем с прочими произведениями: непроизведенный с произведенным, нерожденный с рожденным, и необъятный и потому непостижимый с тем, что объемлется Им, и беспредельный с имеющим пределы. Ибо, как превосходнейший прочих, Он не должен быть счисляем с ними; и особенно Он бесстрастный и не заблуждающийся — с подверженным страсти и заблуждению эоном, А что они свою Тридесятицу считают, начиная от Глубины до Мудрости, называемой ими заблуждающимся эоном, это я показал в предшествующей книге, с приведением имен самых эонов; если же не считать этого эона, то выйдет уже не тридцать произведений эонов, как они утверждают, но двадцать девять.

2. Далее, относительно первого произведения — Мысли, называемой также Молчанием, из которой опять производят Ум и Истину, они погрешают в двояком отношении. Ибо невозможно Мысль, или Молчание, мыслить отдельно от кого-либо, и чтобы вне его она имела свой собственный образ. Если же они скажут, что Мысль произведена не вне, но остается соединенною с Первоотцом, то почему же они причисляют ее к прочим эонам, не соединенным с Ним и потому не знающим величие Его? Если она соединена, (примем в рассмотрение и это), то вполне необходимо, чтобы от единой и нераздельной связи, составляющей одно существо, произошло нераздельное и соединенное с нею произведение, дабы не было непохоже на Произведшего его. Но если это так, то так же, как Глубина и Молчание, будут составлять одно существо Ум и Истина, всегда связанные друг с другом. И поелику одно не может быть мыслимо без другого, подобно тому как вода без влажности, огонь без теплоты, или камень без твердости, ибо сии соединены друг с другом, и одно не может отделиться от другого, но всегда существуют вместе; — то равным образом Глубина должна быть соединена с Мыслию и Ум с Истиною. Также и Слово и Жизнь, произведенные теми, которые так соединены, должны быть друг с другом соединены и составлять одно. Посему также Человек и Церковь и все остальные сочетания произведенных эонов должны быть соединены, и всегда одно должно сосуществовать с другим. Ибо женский эон должен быть, по их понятию, вместе с мужским, так как он есть как бы его возбужденное состояние (affectio).

3. И хотя это так, и они сами утверждают это, однако опять осмеливаются бесстыдным образом учить, что младший эон дванадесятицы, называемый также Премудростью, без соединения с супругом, Которого называют Желанным, подвергся страсти и отдельно от него родил плод, называемый ими «женою от жены»: — так далеко зашли в безумии, что об одном и том же предмете имеют два, очевидно, противоположные мнения. Ибо если Глубина соединена с Молчанием, Ум с Истиною, Слово с Жизнью и так и прочие, — как могла Премудрость без соединения с супругом подвергнуться страсти или родить? Если же она подверглась страсти без него, то необходимо следует, что и прочие сочетания допускают между собою отделение и разлучение: а это, как сказано, невозможно. Поэтому, невозможно, чтобы Премудрость подверглась страсти без Желанного, и опять все их доказательства разрушены. Ибо они и дальнейший мир, подобно составу трагедии, опять произвели от страсти, которую она (Премудрость), по их утверждению, испытала без соединения со своим супругом.

4. Если же они ради последнего сочетания, чтобы не разрушилось их пустословие, бесстыдно будут говорить, что также и остальные сочетания терпели в себе разлучение и отделения, то они, прежде всего, останавливаются на невозможной вещи. Ибо как они могут отделить Первоотца от Его Мысли, или Ум от Истины, Слово от Жизни, и подобным образом прочих? Но каким же образом говорят они, что все возвращаются к единству и составляют одно, когда уже сочетание внутри Плиромы не сохраняют единства, но разделяются друг от друга до того, что один (эон) без соединение с другим, как курицы без петухов, испытывает страсть и рождает?

5. Далее, их первая и первородная Осьмерица может быть разрушена следующим образом. В одной и той же Плироме находятся отдельно Глубина и Молчание, Ум и Истина, Слово и Жизнь, Человек и Церковь. Но если есть Слово, то не может быть Молчания, если есть Молчание, то опять не может оказаться Слово. Ибо они взаимно уничтожают друг друга, как свет и тьма вовсе не могут быть в одном и том же месте; но если есть свет, то нет тьмы, а где тьма, там нет света, ибо с явлением света тьма изгоняется. Таким же образом и там, где Молчание, не будет Слова, и где Слово, там не может быть Молчания. Но если они назовут Слово внутренним (?Ενδιαθετον), то и Молчание будет внутреннее, и все-таки оно будет уничтожено Словом. А что оно не есть только внутреннее, это показывает самый порядок произведения эонов.

6. Таким образом пусть они не говорят более, что первая первоначальная Осьмерица состоит из Слова и Молчания, но пусть отвергнут или Слово или Молчание, и тогда их первая и первоначальная Осьмерица разрушена. Ибо если они сочетание эонов назовут соединенными, то все их доказательство опровергнуто. Если они соединены, то как Премудрость могла родить без супруга недостаток? Но если они скажут, что при произведении всякий зон имеет собственную сущность, — то как могут оказаться в одном и том же месте и Слово и Молчание? Это относится к тому, что Плирома страдает недостатком.

7. С другой стороны относительно излишества, их Тридесятица опять разрушается следующими соображениями. Они представляют Предел, которому они придают очень много имен, — как я показал в предшествующей книге, — произведенным, как и прочие эоны, Единородным. Но этот Предел некоторые производят от Единородного , другие напротив утверждают, что он произведен от Самого Первоотца по Его подобию. Сверх сего говорят еще, что Христос и Святой Дух произведены Единородным, и Их не причисляют к числу Плиромы, и также Спасителя, называемого также целым. Ясно и для слепого то, что, по их мнению, является не тридцать только произведений, но и еще четыре к этим тридцати. Ибо они причисляют к Плироме Самого Первоотца и тех, которые были по порядку произведены друг от друга. Почему же не причислить к ним и тех, которые существуют в той же Плироме, таким же образом произведены? И какую они могут привести справедливую причину, почему не причисляют к прочим эонам ни Христа, произведенного, по их словам, по воле Отца Единородным, ни Св. Духа, ни Предела, называемого также Спасителем, даже ни Самого Спасителя, пришедшего для вспомоществование и образование их матери? Потому ли, что сии слабее первых и посему недостойны имени и числа эонов, или потому, что они лучше и превосходнее? Но как будут слабее те, которые произведены для утверждения и исправления прочих? Лучше же первой и первоначальной Четверицы, которою были произведены, они также не могут быть; ибо и она считается в вышеназванном числе. Таким образом, надлежит и эти эоны причислять к Плироме эонов, или надо отнять у тех честь такого имени.

8. Если таким образом их Тридесятица, как я показал, опровергнута как в отношении недостаточности ее, так и в отношении излишества; ибо при таком числе

малейшее излишество или недочет подрывает самое число, а тем более столь великое отступление, то не состоятельна и басня их об их осьмерице и дванадесятице. И не состоятельно также все их учение, после того как самое их основание разрушилось и превратилось в глубину, т. е. в ничто. Пусть же поищут они теперь других оснований, почему Господь тридцати лет пришел к крещению, и других объяснений для дванадесятицы апостолов, для жены, страдавшей кровотечением, и для прочих предметов, относительно которых они тщетно буесловят.

## Глава XIII.

**Первый ряд принятых еретиками произведений никаким образом нельзя защитить.**

1. И что должен быть отвергнут самый первый ряд их произведений, я докажу таким образом: от Глубины именно и его Мысли производят они Ум и Истину, что очевидно содержит противоречие. Ибо Ум есть то, что есть самое первое и главное, как бы начало и источник всякого разумения. Мысль же есть какое-либо и чем-либо произведенное движение его (Ума). Поэтому Ум не может быть произведен Глубиною и Мыслию; с большою вероятностью следовало бы им сказать, что Мысль произведена, как дочь, Первоотцом и сим Умом. Ибо не Мысль, как они говорят, мать Ума, но Ум есть отец Мысли. Ибо каким образом Ум был произведен Первоотцом, когда он занимает первое и самое главное место в его сокровенном внутри и невидимом состоянии? От этого состояния произошли разумение, и мысль, и помышление, и другое, что не есть особое от Ума, но есть, как прежде сказано, его же самого какие-либо движения в мышлении, относящиеся к какому-нибудь предмету; которые получают названия, смотря по продолжению своему и расширению, а не потому, чтобы они совершенно изменялись; которые соприкасаются с познанием и выражаются в слове, тогда как ум пребывает внутри, созидает управляет свободно и самовластно распоряжается и управляет теми вышеназванными (движениями).

2. Первое движение ума относительно чего-либо называется мыслию; но когда она продолжается, увеличивается и охватывает всю душу, называется помышлением. Это помышление, если оно долго занимается одним и тем же и как бы одобряется, называется понятием. Это же понятие, распространенное на многое, бывает соображением; расширение же и распространение на многое сего соображение есть испытание мыслимого (суждение), которое, если оно пребывает в духе, совершенно справедливо называется разумом (Λογος), от чего происходит внешним образом высказанное слово. Все выше названные (действия) суть одно и то же, происходят от ума и получают название сообразно с их распространением. Как человеческое тело в начале юное, потом мужественное и, наконец, старческое, получает название сообразно с его возрастанием и продолжением, а не по изменению сущности и не по потере тела, так и здесь. Ибо кто созерцает (умственно) что-либо, о том он и мыслит; о чем мыслит, о том имеет понятие, о чем имеет понятие, о том судит, о чем он судит, то разумеет, и что он разумеет, о том он говорит. Этим всем, как я сказал, управляет Ум, будучи сам незримым, и из самого себя чрез выше показанные действия, как чрез луч, производит слово; но сам не производится другим.

3. Это, конечно, можно сказать о людях, так как они по природе сложны и состоят из тела и души. Те же, которые говорят, что из Бога вышла Мысль, из Мысли Ум, и потом из них Слово, прежде всего достойны порицания за то, что они не точно употребляют эти произведения; потом, что они изображают чувства и страсти людей и действие ума, а Бога не знают; так как они то, что говорится о людях, приписывают Отцу всех, о Котором они

говорят, что неведом всем; и дабы Он не показался слабым, отрицая, что Он сотворил мир, они придают, однако, Ему человеческие чувства и страсти. Если бы они ведали Писание и были научены истиною, то знали бы, что «*Бог не таков, как люди, и Его мысли не таковы, как мысли людей*» (Ис. 55:8). Ибо Отец всего весьма далек от чувств и страстей, бывающих у людей; Он прост, несложен, равночленен, всегда Себе равен и подобен, весь будучи разумение, вес дух, весь мысль, весь чувство, весь разум, весь слух, весь глаз, весь свет и весь источник всякого блага, как свойственно богобоязненным и благочестивым людям говорить о Боге.

4. Но Он выше всего этого и потому неизреченен. Он может справедливо быть назван всеобъемлющим Умом, но не подобен человеческому разуму, и весьма справедливо может быть назван светом, но светом, ни мало не похожим на наш свет. Таким же образом и во всем остальном Отец всего ни в чем не сходен с малостью человеческою, и хотя Он по любви называется такими именами, но чувствуется, что Он по величию выше этих выражений. И если таким образом уже у людей ум сам не производится и, производя остальное, не отделяется от живого человека, а только обнаруживаются его же возбуждение и состояние, — тем более ум Бога, Который есть весь Ум, не может отделяться от Него Самого, ни производиться от иного, как нечто иное.

5. Ибо если Он произвел ум, то произведший ум по их взгляду представляется существом сложным и телесным, так что произведший Бог существует отдельно, а произведенный ум также отдельно. Если же они скажут, что ум произведен умом, то они разделяют и раздробляют на части ум Божий. Но куда и откуда он вышел? Ибо что производится кем-либо, то выходит во что-либо уже существующее. Но что существовало прежде ума Божия, во что бы, по их словам, он вышел? И как велико было то место, которое бы приняло и вместило ум Божий? Если они скажут, что Он вышел, как луч от солнца, то как здесь находится воспринимающий воздух, который древнее самого луча, так в этом случае они должны указать на нечто существующее, куда вышел ум Божий, что способно вмещать его и древнее его. Далее, так как мы видим, что солнце, меньшее всего, испускает лучи далеко от себя, то следует признать, что и Первоотец испустил луч вне Себя и далеко от Себя. Но что можно мыслить вне или вдали от Бога, куда Он испустил луч?

6. Если же они скажут, что Ум произведен не вне Отца, но в Самом Отце, то, прежде всего, излишне и говорить, что он произведен. Ибо как он был произведен, когда он находился внутри Отца? Ибо произведение есть проявление производимого вне производящего. Далее, во вторых, если он произведен, то будет также внутри Отца и происходящее от Него Слово, равно и прочие истечения Слова. Они будут, поэтому, знать Отца, будучи внутри Его, и так как они все одинаково объяты отовсюду Отцом, то ни один из них не будет знать о нем меньше другого по постепенности произведений; и они все одинаково должны быть бесстрастными, будучи в недрах Отца, и ни у одного из них не будет иметь места уменьшение. Ибо в Отце нет уменьшения; разве, может быть, скажут, что как в большем круге заключается меньший, а внутри этого опять другой еще меньший круг, или по подобию сферы или четвероугольника, Отец содержит внутри Себя со всех сторон в виде сферы или квадрата произведение прочих эонов, при чем каждый из них окружен большим его и заключает опять меньшего после себя, и поэтому самый меньший и последний из всех, находящийся в средине и далеко отстоящий от Отца, не знал Первоагнца. Но если они примут это, то они заключат свою Глубину, как окружающую и окруженную, в определенную форму и пространство, ибо они принуждены будут признать также вне Его нечто такое, что Его окружает. И конечно речь об окружающих и окруженных эонах будет простираться в бесконечность; и все (эоны) окажутся телами заключенными (другими).

7. Далее, они должны признать Его или пустым, или содержащим в себе все существующее, ибо все равно должны быть причастны Отцу. Подобно тому как если кто сделает на воде круги или круглые или четыреугольные фигуры, все они будут причастны воде, и как те, которые образуются в воздухе, должны быть причастны воздуху, и которые в свете — причастны свету, — так и все, находящиеся внутри Отца, одинаково должны быть причастны Отцу, так что неведение не имеет между ними места. Ибо где было бы причастие наполняющему их Отцу? А если Он наполнил их, то не будет там неведения. Таким образом уничтожится дело (предполагаемого ими) уменьшения, а также произведение материи и все образование мира, которое, по их мнению, произошло из страсти и неведения. Если же они признают Его пустым, то впадут в величайшее хуление и отвергнут Его духовную природу. Ибо, каким образом (может быть) духовен Тот, Кто не может наполнить то, что внутри Его?

8. Сказанное о произведении Ума подобным образом идет и против последователей Василида и прочих гностиков, от которых последние (валентиниане) заимствовали учение о произведениях, как было показано в первой книге. Что произведение их Ума, или Разума, недопустимо и невозможно, я показал ясно. Теперь рассмотрим дело относительно прочих (эонов). Они говорят, что от него (Ума) произошли Слово и Жизнь, создатели этой Плиромы, представляя произведение Логоса, т. е. Слова, по подобию человеческой наклонности и дерзко строя догадки о Боге, как будто они измыслили что-то великое, говоря, что Умом произведено Слово. Между тем все знают, что это прилично сказать о людях; но в Боге, Который выше всего, Который, как выше сказал я, весь Ум и весь Слово, Который не имеет в себе ничего древнейшего или позднейшего, ничего различного, но пребывает вполне равным, одинаковым и единым, не имеет места произведение в такой постепенности. Как не погрешает говорящий, что Он есть весь зрение и вес слух, — ибо как видит, так и слышит, и как слышит, так и видит, — так и говорящий, что Он весь Ум и весь Слово, и в каком отношении есть Ум, в том есть и Слово, и Его Слово есть этот Ум, хотя и не вполне прилично будет мыслить об Отце всего, все-таки приличнее тех, которые рождение произносимого слова человеческого переносят на вечное Слово Божие, и Ему, подобно своему слову, приписывают начало и порядок произведения. Чем же будет различаться Слово Божие, или лучше Сам Бог, Который есть это Слово, от слова человеческого, если оно имеет один и тот же ход и порядок происхождения?

9. Они погрешили и относительно Жизни, говоря, что она была произведена на шестом месте, тогда как следовало поставить ее прежде всего другого, потому что Бог есть жизнь, нетление и истина. Сии и подобные свойства не были произведены в порядке постепенности, но они суть название совершенств, всегда существующих в Боге, насколько возможно и свойственно людям слышать и говорить о Боге. Ибо к наименованию Бога приличествуют ум, слово, жизнь, нетление, истина, премудрость, благость и тому подобное. И никто не может сказать, что Ум древнее Жизни, ибо самый Ум есть жизнь, ни что Жизнь позднее Ума, дабы не был когда-либо без жизни Тот, Кто есть Ум всего, т. е. Бог. Если же скажут, что жизнь была (первоначально) в Отце, но была произведена на шестом месте для того, чтобы жило Слово, — то ей надлежало быть произведенною гораздо прежде на четвертом месте, чтобы жил Ум, и даже еще прежде сего — вместе с Глубиною, чтобы жила их Глубина. Ибо считать вместе с их Первоотцом Молчание и назначать сие Ему в супругу, а не причислять к ним Жизни — не превосходит ли это всякое безумие?

10. Что касается до следующего от них (от Слова и Жизни) произведение Человека и Церкви, то сами отцы их (валентиниане), ложно называемые гностиками, спорят между собою, защищая каждый свое собственное имение и выдавая себя за худых воров: они

говорят, что гораздо согласнее с учением о произведении, — и на самом деле вероподобное, — чтобы от Человека произошло Слово, а не Человек от Слова, и что Человек предшествует Слову, и Он то есть Бог над всем. Таким-то образом, как я прежде заметил, вероподобно собирая все человеческие чувствование и движение ума, порождение стремлений и произведение слов, они нелепо налгали против Бога. Ибо то, что бывает у людей, и что они испытывают в самих себе, приписывают Божественному разуму и в глазах неведущих Бога кажутся говорящими дело. Представляя человеческие страсти и ими спутывая смысл, описывая например происхождение и порождение Слова Божьего на пятом месте, они хвалятся, будто учат дивным таинствам, неизреченным и высоким, никому другому неведомым, о которых и Господь сказал «*ищите и найдете*» (Мф. 7:7), т. е. чтобы исследовали, как от Глубины и Молчание произошли Ум и Истина, или от них опять получили начало Слово и Жизнь, от Слова и Жизни — Человек и Церковь.

## Глава XIV.

**Валентин и его последователи заимствовали начала своего учения, только с изменением названий, у язычников.**

1. Гораздо вероятнее и удобоприемлемее о происхождении всех вещей сказал один из древних комиков Антифан в своей феогонии Он производит из Ночи и Молчание Хаос, потом из Ночи и Хаоса Любовь, из нее Свет, а из него остальное первое поколение своих богов. Затем он говорит о втором роде богов и о сотворении мира; эти вторые боги, по его словам, создали человека. Валентиниане усвоили себе эту басню, и как будто сами, по естественному размышлению, составили свои мнения, изменив только в ней имена, но представляя тоже самое начало и происхождение всех вещей и порядок их произведения. Они поставили на место Ночи и Молчания — Глубину и Молчание, на место Хаоса — Ум, на место Любви — которою, как говорит комик, приведено в порядок все остальное — Слово, вместо первых главнейших богов придумали эонов, а вместо вторых богов говорят о творении их матерью, которое вне Плироыы, и называют это второю Осьмерицею. От нее производят они точно так же, как упомянутый комик, устроение мира и создание человека и говорят, что они одни знают неизреченные и сокровенные таинства. То, что актеры в театрах повсюду рассказывают в блестящих выражениях, они переносят в свою систему и передают те же самые мысли, изменяя только имена.

2. Но они изобличаются не только в том, что выдают за свои собственные мысли то, что находится у комиков; но они собирают еще и то, что сказано людьми, неведущими Бога, которые называются философами; составив как бы покрывало из многих и весьма плохих лоскутов, они посредством тонкостей речи сделали для себя затейливый наряд, они выставили как будто новое учение, так как оно выработано при помощи нового искусства; но это учение, на самом деле, старо и бесполезно, так как оно составлено из старых учений, отзывающихся невежеством и безбожием. Так Фалес милетский говорил, что вода есть начало и мать всех вещей. Но все равно, назвать ли таким началом воду или Глубину. Поэт Гомер учил, что Океан с матерью Фетисою произвел богов, а они (валентиниане) перенесли это на Глубину и Молчание. Анаксимандр, в свою очередь, представлял началом всех вещей бесконечное, которое заключает в себе, в виде семени, начало всего и из него производит, неизмеримые миры; и это они также преобразили в Глубину и эонов. Анаксагор, называемый также атеистом, учил, что животные произошли из семян, упавших с неба на землю, они же приложили это учение к семени своей матери (Ахамоф) и себя самих называли этим семенем, ясно показывая для имеющих смысл, что и они также суть семя безбожного Анаксагора.

3. Учение же о тени и о пустоте они заимствовали у Демокрита и Эпикура и приспособили к себе, ибо те учители много говорили о пустоте и об атомах и из этих одно называли сущим, другое — несущим; так точно и эти (валентиниане) называют то, что заключается в Плироме, действительно существующим, как те учили об атомах, а о том, что вне Плиромы, говорят, что оно не существует, как те учили о пустоте. Таким образом они сами себя, как находящиеся вне Плиромы, поставили в этом мире на такое место, которое не существует. А называя эти вещи образами того, что существует в горнем мире, они очевидно высказывают мнение Демокрита и Платона. Ибо Демокрит первый сказал, что многие и различные формы из всеобщего пространства низошли в этот мир. Платон же говорит о материи, образце и Боге. Следуя им, валентиниане назвали формы (Демокрита) и образец (Платона) подобиями того, что находится горе, изменив только названия, и выставляют себя изобретателями и создателями этого мечтательного вымысла.

4. И то их учение, что Творец создал мир из прежде существующей материи, прежде них было провозглашено Анаксагором, Эмпедоклом и Платоном, из чего ясно видно, что и они были просвещены их матерью. А что все по необходимости возвращается в то, из чего, по словам их, произошло, и что Бог есть раб этой необходимости, так что не может даровать смертному бессмертие и тленному нетление, но все возвращается в субстанцию, сходную с его природою, — это утверждали также и стоики, получившие свое имя от портика (Стоя), и все поэты и писатели, неведущие Бога. Эти (еретики) одержимые тем же неверием, приписали для духовных существ свою область, — ту, которая внутри Плиромы, для существ животных — средину, а для телесных — вещественную область, и утверждают, что Бог не может ничего изменить, и что каждый из упомянутых (родов) существ переходит обратно в однородную субстанцию.

5. Что они говорят, будто Спаситель составлен из всех эонов, и что каждый из них вложил в Него как бы свой цвет, то и тут они не представляют ничего нового, что не могло бы найтись в Гезиодовой Пандоре. Ибо, что говорит Гезиод о Пандоре, то же самое говорят и они о Спасителе и представляют Его Пандором (всеми одаренным), как будто бы каждый из эонов одарил Его лучшим, что только имел. Мнение о безразличии вкушения пищи и прочих действий, и что они, по своему благородному происхождению, совсем не могут осквернить ничем, что бы они ни ели и ни делали, заимствовано ими у циников, с которыми они действительно единомышленны. Они стараются также вносить в дело веры мелочность и тонкость вопросов, что свойственно школе Аристотеля.

6. А что они переводят эту вселенную в числа, это заимствовали у пифагорейцев. Ибо эти первые выставили числа началом всех вещей и положили в основание их четное и нечетное числа, из которых произошло все чувственное и нечувственное. Первые (четные) суть начала материи, а последние — начала разума и субстанции, и из этих начал, по их учению, все произведено, подобно тому как статуя из глины и формы. Валентиниане же применили это к тому, что находится вне Плиромы. Начала же разума пифагорейцы признавали постльку, поскольку разум познает впервые воспринятое и исследует до тех пор, пока, наконец, утомленный, не придет к единому и неделимому. Начало же и сущность всякого произведение есть, по их, учению, единое (εν); от него происходят двоица, четверица, пятерица и различные произведение других чисел. Тоже самое буквально говорят валентиниане о своих Плироме и Глубине; отсюда же они пытались ввести сочетания, которые из единого, что Марк выдал за свое изобретение и как будто открыл нечто новое сравнительно других, но на самом деле он излагал Пифагорову четверицу, как производительницу и мать всех вещей.

7. Но я скажу против них: все, вышеупомянутые мною, с коими вы, как оказывается, одинаково говорите, познали ли истину или же не познали? Если они познали ее, то сошествие Спасителя в этот мир излишне. Ибо зачем Он сходил? Для того ли, чтобы сделать известною людям истину, которую они уже знали? Если же они не знали ее, то как же вы, проповедующие тоже самое, что и те, которые не знали истины, хвалитесь, что вы одни обладаете высшим познанием — тем, которое имеют также и неведущие Бога? Таким образом, еретики, извращая слова, называют незнание истины знанием, и Павел справедливо говорит о «*новословиях лжеименного знания*» (1 Тим. 6:20). Ибо их знание, поистине, оказалось ложным. Если же они, сверх того, бесстыдно говорят еще, что хотя люди не знали истины, но их мать, или отеческое семя, сделала, без ведома Демиурга, известными тайны истины через таких людей, как чрез пророков, то, (скажу) во-первых, слова их не такого рода, чтобы не всякий мог понять их, ибо сами эти люди, их ученики и последователи знали же, что они говорили. Во-вторых, если мать или семя знали и возвестили истину, а истина есть Отец, то значит, по их мнению, Спаситель солгал, сказав: «*Никто не знает Отца, кроме Сына*» (Мф. 11:27). Ибо если Отец познан матерью или ее семенем, то этим опровергаются слова: «*Никто не знает Отца, кроме Сына*», если только они не называют словом «никто» свое семя или свою мать.

8. И таким то образом они, приписывая своим эонам человеческие страсти и говоря одинаково с многими философами, которые не знали Бога, увлекли некоторых, наводя обычную речь на рассуждение о всем, изъясняя рождение Слова Божия, и Жизни, и Ума, и прочих истечений божества. Но все это они налгали положительно без всякой вероятности и доказательств. Подобно тому, как кто-нибудь, чтобы приманить и поймать животное, кладет пред ним привычную ему пищу и до тех пор манит его обычным его кормом, пока наконец поймает его, а когда поймает его, безжалостно вяжет и насильно тащит, куда ему хочется; так и они, незаметно и постепенно склонив посредством благовидных речей к принятию вышеупомянутого происхождения, затем выставляют несообразные вещи и неожиданные видят остальных произведений (эонов) и прямо говорят, что от Слова и Жизни произошли десять эонов, а от Человека и Церкви двенадцать. Они не представляют никаких доказательств, ни свидетельств, ни вероятности, вообще ничего такого в подтверждение этих положений, а требуют голословной и слепой веры в то, что от эонов Слова и Жизни произошли: Глубинный и Смешение, Нестареющийся и Единение, Самородный и Удовольствие, Неподвижный и Сраствореніе, Единородный и Блаженная; а от Человека и Церкви произошли: Утешитель и Вера, Отчий и Надежда, Матерний и Любовь, Вечный ум и Разумение, Церковный и Блаженство, Желанный и Премудрость. Страсти и заблуждение этой Премудрости, как она, по их словам, отыскивая Отца, подверглась опасности погибнуть, равно как и ее великие усилие вне Плиромы, и то из какого несовершенства произошел, по их учению, Миросоздатель, — это я показал в предшествующей книге, излагая мнение еретиков. 0 Христе, Который, по их мнению, рожден после всех вышеупомянутых, и Спасителе, о Котором они говорят, что он получил бытие от происшедших внутри Плиромы эонов, я также уже говорил. Теперь же я, по необходимости, перечислил их имена, дабы из них очевидна стала их нелепая ложь и путаница в их вымышленных наименованиях. Они вообще унижают своих эонов множеством такого рода имен; между тем как язычники придают своим двенадцати богам вероятные и приличные имена, — а этих богов они называют подобиями своих эонов, — то оказывается, что эти подобие имеют относительно этимологии более удачные и сильные поименования, для означения их божественности.

## Глава XV.

**Доказательств их системы происхождения эонов нельзя указать никаких.**

1. Теперь я обращусь опять к вышеупомянутому разбору происхождения (эонов). И, прежде всего, пусть они скажут нам причину этого происхождения эонов, не касаясь предметов творения; ибо, как они говорят, не эоны произошли ради творения, а творение ради эонов, и не эоны суть подобие тварей, а твари подобие эонов. И как они приводят причины подобий, говоря, что месяц имеет тридцать дней ради тридцати эонов, и день имеет двенадцать часов, а год двенадцать месяцев также ради двенадцати эонов, находящихся в Плироме, и тому подобные бредни; так пусть они объяснят мне причину происхождение эонов, почему оно именно было таково, почему первое и родоначальное всего произведение есть осмерица, а не пятерица, троица, семерица или что-либо подходящее под другое число? И почему от Слова и Жизни произошло именно десять эонов, а не более или менее, и почему от Человека и Церкви произошло именно двенадцать, когда точно также могло произойти их большее или меньшее число?

2. Далее, почему вся Плирома разделяется на три части, на осьмерицу, десятерицу и дванадесятицу, а не на какое-либо другое число, кроме этих? И почему разделение произведено именно на три, а не на четыре, пять, шесть или другие числа, которые не имеют никакого соотношения с предметами творения, ибо эоны, как они говорят, древнее этих дольных вещей и должны иметь свое собственное основание, которое существовало прежде мироздания, а не по образцу творения, точь-в-точь совпадая с ним.

3. То, что мы говорим о творении, согласно с правильным порядком (господствующим в мире), ибо этот порядок находится в гармонии с самими сотворенными вещами; но они не могут указать собственного основание для тех (существ), которые древнее тварей и создались сами собою, и потому должны стать в крайне затруднительное положение. Ибо если их самих спросить на счет Плиромы, подобно тому, как они спрашивают нас, будто незнающие о творении, — то они или начнут перечислять человеческие страсти, или же заведут речь о гармонии в творении, давая ответы относительно вторичного, а не того, что, по их мнению, составляет первое. Ибо мы спрашиваем их не о гармонии в творении и не о человеческих страстях; но так как их Плирома, подобием которой они называют творение, осьмерична, десятерична и дванадесятична, то они должны признать, что Отец создал такую Плирому без всякого плана и предусмотрения, и потому допустить нелепость в этом Отце, если Он что-либо сделал неразумно. Если же они, напротив, — полагают, что Плирома произведена в таком виде ради творения, по предвидению Отца, гармонически устроившего все существа, то, значит, Плирома создана не ради самой себя, но ради своего подобия, которое должно было быть сходно с нею, как статуя делается из глины не ради самой себя, а ради той статуи, которая должна быть сделана потом из меди, золота или серебра; и творение будет гораздо выше Плиромы, если ради его произведены горние вещи.

## Глава XVI.

**Творец мира или произвел из самого себя первообразы вещей, имевших быть созданными, или же Плирома создана по какому-либо предшествующему образу, а тот в свою очередь по другому, и так далее в бесконечность.**

1. Но если они не хотят сознаться, в чем я обличаю их, именно что они не могут указать какое-либо основание для такого происхождения их Плиромы, то они необходимо должны допустить высшее Плиромы, другой более духовный и более сильный порядок, по образу которого создана их Плирома. Ибо если Демиург дал настоящую форму творению не сам от себя, но по образу горних вещей, то их Глубина, давшая Плироме именно такую форму, от Кого получила образ того, что было прежде нее? Ибо необходимо предположить или, что мысль о творении существовала в Боге, сотворившем

мир, — так что Своею силою и из Себя Самого взял образец для миротворения, или, если Он получил это от кого-нибудь, — то необходимо всегда доискиваться, откуда же тот, кто выше Его, имеет образец сотворенных вещей, как велико число произрождений, и какова субстанция самого первообраза? Но если Глубина могла сама от себя образовать в таком виде Плирому, то почему же Демиург сам от себя не мог создать такой мир? И опять, если творение есть подобие горних вещей, — то почему не назвать эти подобием еще высших существ, а эти высшие опять подобием других, и таким образом не сочинить бесчисленные подобия подобий?

2. Это и случилось с Василидом, когда он не попал на истину; полагая, что, допустив бесконечную последовательность вещей, происшедших одна из другой, избегнет такого затруднения, он признавал триста шестьдесят пять небес, образовавшихся последовательно одно от другого и похожих друг на друга, — и в доказательство сего указывал на число дней года, как я прежде сказал, и выше их признавал Силу, которую они называют Неименуемым, и ее созидающее действие; однако он не избежал такого же затруднения. Ибо на вопрос, — откуда самое высшее небо, из которого он последовательно производит прочие небеса, получило свой образ, — он скажет, что от распоряжения, принадлежащего Неименуемому. И затем должен будет сказать или что Неименуемый создал его сам от себя, или же должен будет допустить еще другую силу, от которой его Неименуемый получил такой образец для того, что создано его действием.

3. Сколь, поэтому, безопаснее и вернее с самого начала признать истину, т. е., что Бог, Творец, Который создал мир, есть единый Бог и кроме Его нет иного Бога, и что Он Сам от Себя получил образец и вид сотворенных вещей, чем утомившись после столь великого несчастья и блуждания быть вынужденными все-таки остановить свой ум на чем-либо едином, и Ему приписать создание сотворенных вещей.

4. Что касается до упрека, который делают нам валентиниане, будто мы пребываем в дольней седьмерице, как бы неспособные возвысится духом горе и разуметь горнее, так как не принимаем их нелепой болтовни, — в том самом и их обвиняют последователи Василида говоря, что они (валентиниане) также вращаются около дольнего, идя до первой и второй осьмерицы, и безразсудно думают, что прямо после тридцати эонов нашли Всевышнего Отца, и не достигают своим умом до Плиромы, которая выше 365 небес и превосходит 45 осьмериц. Точно также кто-нибудь, выдумав 4380 небес или эонов, имел бы основание упрекать и их (последователей Василида), так как в днях года содержится столько часов. А если бы кто-нибудь прибавил к этому еще ночи, удвоив упомянутое число часов, и вообразил бы, что он открыл великое множество осьмериц и бесчисленное количество эонов, и вопреки Всевышнему Отцу представлял себя самого совершеннее всех, то он также мог бы поставить тоже самое в виду всем другим, — так как они не досягают высоты изобретенного им множества небес или эонов, и по своей слабости вращаются в дольнем или среднем месте.

## Глава XVII.

**Разбор учения о происхождении эонов и доказательство, что оно совершенно несостоятельно, и что Ум и Отец в учении еретиков страдают неведением.**

1. Указав столь многие противоречия и нелепости в распорядке их Плиромы и особенно первой осьмерицы, я рассмотрю и остальные части (их учения). По причине бессмыслия их, я должен буду исследовать о том, чего нет, но по необходимости должен сделать это, потому, что мне вверено попечение об этом деле, и я желаю, чтобы все люди

пришли к познанию истины, а также потому, что ты сам просил меня представить тебе все средства к опровержению учения сих людей.

2. Итак, каким образом, спрашивается, произведены прочие эоны? Вместе ли с тем, кто произвел их подобно, как лучи от солнца, или же действительно и отдельно, так что каждый из них имеет особое существование и свой собственный образ, подобно тому, как человек происходит от человека и одно животное от другого? Посредством ли отпрысков, как ветви дерева? Имеют ли они ту же самую субстанцию, что и те, которые произвели их, — или же получили свою сущность от какой другой субстанции? Произведены ли они все вместе, так что они одновременны друг другу, — или же в каком-либо порядке, так что одни из них старше, а другие моложе? Созданы ли они простыми, однообразными во всем, сходными между собою и равными, как дух и свет, или же сложными, различными и несходными между собою в своих членах?

3. Но если каждый из них произведен действительно и отдельно, по примеру человеческому, — то произведения Отца должны иметь одинаковую с Ним сущность и быть подобны Производителю, или же, если они будут неодинаковы, должно предположить. что они образованы из какой-либо иной субстанции. Если произведение Отца подобны произведшему их, то произведенные так же, как и произведший, должны быть недоступны страданиям, а если они из какой-либо другой субстанции, восприимчивой к страданиям, то откуда взялась эта различная субстанция среди нетленной Плиромы? Далее, каждый из эонов, согласно таким представлением, предполагается вполне обособленным один от другого, подобно людям, из коих ни один не соединен и не связан с другим, но каждый имеет различный образ, свое собственное очертание и величину, но это свойственно только телу, а никак не духу, и поэтому, они уже не могут более говорить, что их плирома духовна, и что сами они духовны — если их эоны, подобно людям, сидят у Отца за столом, и если Он Сам имеет такой же образ, какой проявляют произведенные им.

4. Но если эоны произошли от Слова, Слово от Ума, а Ум от Глубины, подобно тому как свет возжигается от света, например факелы от факела, то они, по рождению и величине, могут быть различны друг от друга, но, как имеющие одинаковую субстанцию с виновником их происхождения, должны все быть непричастны страданию, или же и их Отец должен быть причастен страданию. Ибо светильник, после зажженный, будет иметь тот самый свет, какой и прежде зажженный светильник. Поэтому и их светы, соединенные в одно, возвратятся в первоначальное единство, и образуется один свет, который был и сначала. Но более позднее и более раннее время не может иметь значение в отношении ни к самому свету, ибо весь свет один, ни к зажженным светильникам, ибо все они по материальной субстанции одновременны, и вещество светильников одно и то же, — а только относительно зажигания, так как этот светильник зажжен ранее, а другой только теперь.

5. Итак, или вся их Плирома должна быть причастна пятну неведения и страданиям, так как все эоны имеют одинаковую субстанцию, и Сам Первоотец должен быть причастен неведению, т. е. не знать Самого Себя, или же все светы в Плироме должны быть равно непричастными страданию. Но откуда же, тогда, страдание младшего эона, если он есть свет от Отца, из Которого истекают все светы, и Который по природе своей непричастен страданию? И каким образом какой-либо эон может быть назван младшим или старшим, когда вся Плирома имеет один свет? И если бы даже кто назвал их звездами, тем не менее они должны будут иметь одинаковую природу. Ибо если «*звезда от звезды разнится в славе*» (1 Кор. 15:41), но не в свойстве, ни в сущности — от которых зависит причастность чего-либо или непричастность страданию, — то они или все, как

происходящие от света Отчего, должны быть по природе непричастны страданию и неизменяемы; или же все они вместе с Отчим светом должны быть доступны страданию и подвержены изменениям.

6. То же заключение выйдет и в том случае, если они скажут, что эоны произошли от Слова как ветви от дерева, а Слово произведено их Отцом; ибо все (эоны) оказываются одинаковой сущности с Отцом, и различаются между собою только по величине, а не по природе, восполняя величие Отца, как пальцы восполняют руку. Итак, если Отец причастен страданию и неведению, то и произведенные им эоны таковы же. Если же безбожно Отцу всего приписывать неведение и страдание, то как же они говорят, что Им произведен причастный страданию эон, и как могут они называть себя благочестивыми, относя к самой Премудрости Божией такую безбожную вещь.

7. Если же опять допустят, что их эоны произошли подобно, как лучи от солнца, то они, как имеющие одинаковую сущность и одно и тоже происхождение, или должны быть все вместе с произведшим их причастны страданию или все непричастны; ибо нельзя предположить, чтобы при таком образе происхождения одни были непричастны страданию, а другие — причастны. Поэтому, если они называют их всех непричастными страданию, то сами подрывают свое учение. Ибо каким образом подвергся страданию младший эон, если все они непричастны страданию? Если же они признают, что в этом страдании принимали участие все, — как некоторые из них и осмеливаются утверждать, будто оно началось от Слова и потом прошло в Премудрость — то они будут обличены в том, что переносят ее страдание на Слово, Ум этого Первоотца, и утверждают, будто как Ум Первоотца, так и Сам Отец были причастны страданию. Ибо Отец всего, как я уже показал, не мыслим без Ума, подобно какому-нибудь сложному животному; но Ум есть Отец, и Отец есть Ум. Поэтому, и происходящее от Него Слово, или лучше самый Ум, так как он есть Слово, необходимо должно быть совершенным и непричастным страданию, равно и происходящие от него порождения, имеющие одинаковую с ним субстанцию, — совершенны, непричастны страданию и всегда остаются подобными произведшему их.

8. Поэтому, нельзя утверждать, как учат еретики, будто Слово, как произведенное на третьем месте, не знало Отца; ибо это может считаться вероятным при рождении людей, так как они часто не знают своих родителей; по отношению же к Слову Отца это совершенно невозможно. Ибо если оно, существуя в Отце, знает Того, в Ком оно, т. е. знает себя самого, то и происходящие от него порождения, которые суть его силы и всегда соприсущи ему, не могут не знать произведшего их, подобно тому, как лучи не могут не знать солнца. Поэтому, недопустимо, чтобы Премудрость Божия, находящаяся в Плироме, имеет такое происхождение, подверглась страсти и сделалась причастною такому неведению. Но возможно, что мудрость Валентинова, как произведение диавола, подвержена всем страстям и порождает глубокое невежество. Ибо когда они сами свидетельствуют о своей матери и говорят, что она есть порождение блуждающего эона, то нет уже нужды доискиваться, почему дети таковой матери всегда погружены в глубину неведения.

9. Но я не понимаю, чтобы они кроме этой системы произрождений могли говорить еще о какой-либо другой, и мне известно, что они сами никогда не представили какого-либо другого образа происхождение (эонов), хотя я весьма много беседовал с ними о таких предметах; они говорят только, что каждый из эонов был произведен отдельно и знает только того, кто произвел его, а о том, кто прежде него, не знает ничего. Они не представляют объяснения, каким образом произведены эоны, или как может это иметь место в существах духовных. Ибо, как бы ни объясняли этого они, относительно истины, уклонившись от прямого пути, принуждены будут дойти до того, чтобы говорить, что

Слово, произведенное Умом их Первоотца, произошло с несовершенством. Ибо (по их словам) совершенный Ум, происшедший от совершенной Глубины, не мог уже сделать совершенным происшедшего от него порождения, но произвел его слепым по отношению к познанию и величию Отца; и Спаситель будто бы показал символ этой тайны на слепорожденном, так как эон произведен от Единородного также слепым, т. е. в неведении; таким образом они приписывают неведение и слепоту Слову Божию, Которое, по их учению, было произведено Первоотцем во второй степени. Удивительные софисты, исследующие высоты неведомого Отца и пересказывающие пренебесные тайны, «*в которые желают проникнуть ангелы*» (1 Пет. 1:12), дабы узнать, что от Ума всевышнего Отца Слово порождено слепым, т. е. незнающим произведшего его Отца.

10. Как же, о пустейшие софисты, Ум Отца, — или лучше Сам Отец, так как Он есть Ум и во всем совершен, — произвел свое Слово несовершенным и слепым эоном, тогда как мог вместе с ним произвести и познание Отца? Говорите же вы, будто Христос, хотя и рожден после всех, но произведен совершенным; тем более Слово, которое старше Его по времени, должно бы быть порождено от того же Ума вполне совершенным, а не слепым; и оно также не могло бы порождать эонов, еще более слепых, чем оно само, — пока, наконец, ваша постоянно слепая Премудрость не породила столь великого множества зол. И причина этого зла есть ваш Отец; ибо величие и силу Отца вы называете причинами неведения, уподобляя его Глубине и придавая это имя неименуемому Отцу. Если же неведение есть зло, и вы утверждаете, что всякое зло произошло от него, а причиною его называете величие и силу Отца, то, значит, вы представляете Его виновником всякого зла. Ибо причину зла вы указываете в том, что (никто) не мог созерцать величие Отца. Но если для Отца было невозможно с самого начала открыть Себя Своим творениям, то Он свободен от нарекания, поколику не мог устранить неведение от тех, которые произошли после Него. Если же Он впоследствии, когда хотел, мог устранить неведение, увеличившееся при дальнейших порождениях и укоренившееся в эонах, тем более Он мог бы не допускать неведение прежде, когда оно еще не существовало.

11. Поэтому, если Он, когда восхотел, сделался ведом не только эонам, но и людям, жившим в позднейшие времена, и не был познаваем, потому что не хотел изначала быть ведомым, то, значит по вашему, причина неведение есть воля Отца. Ибо если Он заранее знал, что это случится именно так, то почему Он лучше не устранил неведение прежде, нежели оно возникло, чем потом, как бы из раскаяния, исцеляет его чрез произведение Христа? Ибо то познание, которое даровал всем чрез Христа, Он мог бы даровать гораздо ранее чрез Слово, которое было также первенцем Единородного. Если же Он прежде знал и хотел, чтобы это было так, то дела неведения будут продолжаться всегда и никогда не пройдут. Ибо то, что сделано по воле вашего Первоотца, должно существовать вместе с волею того, кто пожелал этого; если же оно перестанет существовать, то вместе с тем престанет и воля того, кто дал ему бытие. Почему же в таком случае эоны успокоились и достигли совершенного познания, научившись, что Отец необъятен и непостижим? Это познание они могли иметь прежде, чем сделались причастны страданию; ибо величие Отца не уменьшилось бы, если бы они знали изначала, что Отец необъятен и непостижим. Ибо если Он не был ведом по своему неизмеримому величию, то, по своей неизмеримой любви, должен бы был сохранить Своих детей непричастными страданию; ибо не было никакого препятствия, а скорее было бы полезно, чтобы они с самого начала знали, что Отец необъятен и непостижим.

## Глава XVIII.

**Премудрость не была в неведении или страдании; ее помышление не может быть отделено от нее, а тем более иметь особенные свойства.**

1. И не нелепо ли то, что они говорят, будто Премудрость Его (Отца) была в неведении, падении и страдании? Ибо это чуждо и несовместимо с Премудростью, и не может быть свойственными ей состояниями. Ибо, где нет предусмотрительности и знания пользы, там нет Премудрости. Итак, пусть они не называют страждущего эона Премудростью: они должны или изменить его имя, или отвергнуть страдания. Пусть также они не называют всей своей Плиромы духовною, если в ней находился этот эон во время своих великих страданий, ибо этого не допустила бы даже сильная душа, а не только духовная субстанция.

2. И опять, как могло Помышление ее, развиваясь вместе с страданием, получить отдельное бытие? Ибо Помышление предполагается только в ком-нибудь, само же по себе никогда не может существовать. Ибо злое помышление вытесняется и уничтожается добрым, как болезнь — здоровьем. Какое же помышление было прежде страдания? Исследовать природу Отца и рассматривать Его величие чем же она впоследствии убедилась и затем исцелилась? В том, что Отец непостижим и необъятен. Значит было не хорошо, что она хотела познать Отца, и потому она подверглась страданию; но, когда она убедилась, что Отец исследим, то исцелилась. Да и самый Ум, который искал Отца, перестал, по их словам, исследовать Его, узнав, что Отец непостижим.

3. Итак, каким образом Помышление могло отдельно понести страдания, которые притом были его же состояниями? Ибо состояние (аффект) бывает в ком-нибудь, а само по себе явиться и существовать не может. Это не только несостоятельно, но и противоречит словам нашего Господа: «*ищите, и найдется*» (Мф. 7:7). Ибо Господь ведет Своих учеников к совершенству посредством искания и обретения Отца; а их горний Христос сделал эонов совершенными тем, что заповедал им не искать Отца, и внушил им, что сколько бы они ни трудились, не найдут Его. Сами (валентиниане) называют себя совершенными потому, что будто бы нашли свою Глубину; эоны же, напротив, совершенны у них потому, что убедились в непостижимости Того, Кого искали.

4. Итак, когда Помышление не может существовать отдельно от эона, то они прибавляют еще большую нелепицу относительно его страдания, снова отделяя его и называя это субстанциею материи. Как будто Бог не есть свет, и как будто нет Слова, чтобы обличить их и разрушить их нечестие. Ибо, что чувствовал эон, то он и претерпевал; и что он претерпевал, то и чувствовал; и их Помышление было ничто иное, как страдание его от попытки постичь Непостижимого, и это страдание было Помышление, ибо оно мыслило о невозможном. Итак, каким же образом известное состояние (аффект) и страсть могли отделиться от Помышления и сделаться субстанциею такой материи, если само Помышление было страсть, а страсть Помышление? Поэтому, ни Помышление не может существовать отдельно от эона, ни известные состояния без Помышления, и таким образом их учение опять оказывается несостоятельным и в этом отношении.

5. Но каким образом эон разлагался и страдал? Он, конечно, был той же субстанции, как и Плирома; Плирома же вся от Отца. Ибо подобное, встретившись с подобным, не обратится в ничто и не будет в опасности прекратить ее, но скорее будет продолжаться и увеличиваться, как, например, огонь в огне, воздух в воздухе, и вода в воде; противоположное же страдает от противоположного, изменяется и разрушается им. И таким образом, если бы было истечение света, то он не страдал бы и не впал бы в

опасность в подобном ему свете, а еще более просиял бы и увеличился, как день от солнца; ибо самую Глубину они называют образом их отца. Все чуждые друг другу и по природе своей противоположные животные подвергаются опасности (при встрече между собою) и бывают уничтожаемы; а привычные друг другу и сродные не подвергаются от того никакой опасности, но получают безопасность и жизнь. Следовательно, если бы этот эон произошел из Плиромы с такою субстанциею, какую имеет вся она, то он никогда не подвергся бы изменению, пребывая среди подобных и сродных существ, духовный среди духовных. Ибо страх, ужас, страдание и разрушение и тому подобное могут быть при встрече противоположных между существами земными, телесными; у духовных же и одаренных столь обильным светом существ таких несчастий не бывает. Мне кажется, впрочем, что они приписали своему эону страсть одного сильно влюбленного и ненавидимого человека, который изображен комиком Менандром. Ибо те, которые вымыслили такое учение, имели в своем представлении более какого-нибудь несчастно влюбленного человека, чем духовную и божественную субстанцию.

6. Кроме того, и мысль об искании совершенного Отца и желание быть в Нем и понять Его величие — это не могло повлечь за собою, особенно для духовного эона, неведение и страдание, а скорее совершенство, бесстрастие и истину. Ибо они (еретики) не говорят, чтобы они сами, хотя и люди, размышляя о том, кто прежде них, и уже как бы понимая Совершенного и проникая в познание Его, впали чрез то в расстройство, а скорее — достигли познание и постижение истины. И Спаситель, — говорят они, — сказал Своим ученикам: «*Ищите, и найдете*», для того, чтобы они искали вымышленную ими (валентинианами) выше Создателя всего неизреченную Глубину, и себя самих они называют совершенными, потому что они еще живя на земле искали и обрели Совершенного; а эон в Плироме, который вполне духовен, по их словам, подвергся страданию, когда искал Первоотца, и желал обитать в Его величии, и стремился понять истину Отца, и притом такому страданию, что он, если бы не встретил всеукрепляющей силы, разложился бы во всеобщую субстанцию и уничтожился.

7. Такое понятие нелепо и, поистине, свойственно только людям, совершенно лишенных истины. Они сами допускают, что этот эон лучше и древнее их, утверждая в своем учении, что они суть плод Помышление того пострадавшего эона, так что этот эон есть отец их матери, т. е. их дед. И им, позднейшим внукам, искание Отца принесло истину, совершенство, укрепление и очищение от текучей материи, как они говорят, и примирение с Отцом; а их деду то же самое искание принесло неведение, страдание, страх, ужас и замешательство, — из чего, по их словам, произошла субстанция материи. Итак, говорить, что искание и исследование совершенного Отца и стремление к соединению с ним для них спасительно, а для эона, от Которого они происходят, было причиною уничтожения и погибели — это не нелепо ли, и глупо, и неразумно? И те, которые соглашаются с ними, суть, поистине, слепцы, имеющие слепых вождей, и справедливо ввергаются в предлежащую им бездну неведения.

## Глава XIX.

**Нелепости еретиков относительно их семени, и несостоятельность их мнений о Демиурге.**

1. Но каково учение об их семени, — что оно зачато Матерью по образу ангелов, окружающих Спасителя, бесформенное, безвидное и несовершенное, и вложено в Димиурга без его ведома, дабы оно, через него всаженное в душу, которая была от него, могло приобрести совершенство и форму? Тут, во-первых, должно сказать, что ангелы,

окружающие их Спасителя несовершенны, бесформенны и безвидны, если по образу их зачатое и родилось таковым.

2. Во-вторых, что они говорят, будто Творец (Демиург) не знал ни о снитии в него семени, ни о сообщении семени посредством него человеку — это пустая и суетная болтовня, которая никоим образом не может быть доказана. Ибо каким образом он ничего не знал о нем, если семя имело какую-либо субстанцию и особенные свойства? Если оно было без субстанции и свойств, и было ничто, — то, разумеется, он не знал его. Ибо вещи, имеющие свое собственное движение и свойства, как например теплоту, скорость, или сладость и отличающиеся и некоторою яркостью, не бывают неизвестны людям, если они попадаются им, — а тем более Богу, Творцу этого мира; справедливо может быть сказано, что Он не знал их семени, как скоро оно не имеет никакого свойства общеполезности, ни сущности нужной для какого-либо действия, и было совершенное ничто. И потому-то, мне кажется, Господь сказал: «*за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда*» (Мф. 12:36). Ибо все такие (учители), которые пускают в уши людей праздные речи, станут на суде и дадут отчет в том, что они попусту сочинили и налгали против Бога, до такой степени, что они говорят про себя, будто по сущности своего семени, познали духовную Плирому, так как обитающий внутри их человек показывает им истинного Отца, ибо все душевное нуждается в чувственном вразумлении; — а Демиург, принимая в себя все это семя, положенное Матерью, будто совершенно не знал ничего и не имел никакого понятия о Плироме.

3. И утверждать, что они духовны, на том основании, что в их душу вложена частица Отца вселенной, — так как их души, по их словам, образованы из той же субстанции, как и Демиург; а Демиург, который зараз воспринял от Матери все семя и имел его в себе, остался душевным и не имел ни малейшего понятие о горнем, чего познанием хвалятся они, еще живя на земле, — не есть ли это верх возможной нелепости? Ибо думать, что то же самое семя принесло их душам познание и совершенство, а Богу, их создавшему, принесло неведение — по истине свойственно безумным и лишенным всякого смысла.

4. Далее, они совершенно нелепо говорят, что семя, таким образом вложенное, получило форму, возросло и подготовилось к принятию совершенного разума. Ибо примесь к нему материи, которую они производят от неведения и несовершенства, окажется в таком случае пригоднее и полезнее для него, чем был их Отчий свет, если оно, рожденное по созерцанию того (света), было безобразно и бесформенно, а от нее (материи) получило форму, образ, распространение и совершенство. Ибо, если свет Плиромы был для духовного существа причиною того, что оно не имело ни формы, ни образа, ни собственной величины, между тем как нисшествие его в сей мир дало ему все это и привело его к совершенству, — то его пребывание здесь, которое они называют также мраком, должно представляться более действенным и полезным, нежели был их Отчий свет. И как не смешно говорить, что их Мать в материи подверглась опасности погибнуть и едва не уничтожилась в ней, если бы Она не употребила чрезвычайного напряжения, и не выскочила из самой себя, получив от Отца помощь; семя же Ее растет в этой самой материи, образуется в ней и делается способным к принятию совершенного разума, и притом находясь в несродных и непривычных ему (субстанциях), ибо по словам земное противоположно духовному, и духовное земному? Каким же поэтому образом семя, произведенное, как они говорят, малым, могло увеличиться, получить форму и достичь совершенства в том, что ему противно и несродно.

5. К вышесказанному надо прибавить еще вопрос: Мать их, когда увидела ангелов, произвела ли семя зараз, или же по частям? Если произвела единовременно и разом, то

происшедший от этого плод не будет уже иметь детский вид; а поэтому его нисшествие к теперешним людям излишне. Если же это произошло в несколько раз, по частям, то этот плод зачат не по образу ангелов, которых она увидела; ибо если она зараз увидела и зачала, то должна и родить единовременно, так как образы их восприняты это в одно время.

6. Далее, почему Она, увидев, ангелов вместе с Спасителем, зачала подобие первых, но не Спасителя, Который превосходит их красотою? Или Он ей не понравился и потому Она не зачала по образу Его? Но каким же образом Демиург, Которого они называют существом душевным, и который, по их словам, имеет свою собственную величину и форму, был произведен совершенным по своей субстанции; а духовное, которое должно быть действеннее, чем душевное, произведено не совершенным, и ему надлежало низойти в душу, дабы в ней получить образ и, усовершившись, сделаться способным к принятию совершенного разума? Поэтому, если оно получает форму в земных и душевных людях, то, значит, оно уже не по подобию ангелов, которых они называют светами, а по подобию людей земных. Ибо оно в таком случае будет иметь образ и подобие не ангелов, а душ, в которых оно образуется, подобно тому, как вода, влитая в сосуд, будет иметь форму сосуда. и если замерзнет в нем, сохранит вид сосуда, в котором замерзла, — так как сами души имеют форму тела, ибо они приспособлены к сосуду, как я прежде сказал. Поэтому, если и то семя здесь сгущается и принимает форму, то оно должно иметь образ человека, а не ангелов. Итак каким образом это семя, образованное по подобию человека, может быть образом ангелов? И какая нужда была ему, как духовному, нисходить в плоть? Ибо плоть имеет нужду в духе, если она имеет спастись, дабы освятиться и просветиться в нем, и дабы смертное было поглощено бессмертием; духовное же не имеет в земном никакой нужды. Ибо не мы делаем его лучшим, но оно — нас.

7. Еще очевиднее обнаруживается ложность их толков относительно семени и может быть усмотрена каждым в том, что они говорят, будто те души, которые получили семя от Матери, гораздо превосходнее других, почему и почтены Демиургом и поставлены князьями, царями и священниками. Ибо, если бы это было справедливо, то первосвященник Каиафа и Анна и прочие первосвященники, учители закона и князи народа уверовали бы в Господа, так как они принадлежат к этому же разряду, и прежде их царь Ирод. Но, так как ни он, ни первосвященники, ни правители и почетные лица в городе не присоединились к Нему, а присоединились, напротив, только те, которые сидели при пути, прося милостыни, слепые и глухие, — то они и были презираемы и попираемы ногами от прочих; как говорит и Павел: «*Посмотрите, братия, кто вы призванные: немного у вас мудрых, благородных и сильных, но уничиженное мира избрал Бог*» (1 Кор. 1:26—28). Следовательно, эти души не были лучшими чрез вложение семени и не за это почтены Демиургом.

8. Сказанного уже достаточно для доказательства несостоятельности, непрочности и нелепости их учения. Ибо кто хочет знать, солона ли морская вода, — тому нет нужды, как говорится, выпивать все море. Но, как статую, которая сделана из глины, но покрыта по поверхности краскою, дабы ее, глиняную, принимали за золотую, распознает каждый, кто отнимет от нее кусочек и, по испытании, увидит глину, и таким образом освободит от ложного мнения о ней людей, ищущих истины; так точно и я раскрыл не малую только часть, но важнейшие главы учения еретиков и показал всем, не желающим заведомо обманываться, нечестие, коварство, лесть и зловредность школы валентиниан и прочих еретиков, нелепо учащих о Демиурге, т. е. о Творце и Создателе этой вселенной и Едином Боге, обнаруживая несостоятельность их пути.

9. Ибо какой разумный и сколько-нибудь постигающий истину допустит их учение, будто кроме Создателя Бога есть другой Отец, и будто иное — Единородный, и иное — Слово Божие, которое, по их словам, произведено несовершенным, и иное Христос, Который, как они говорят, произведен вместе со Святым Духом позже прочих эонов, и иное — Спаситель, Который, по их словам, произведен не Отцом всего, но составлен и сложен созданными в несовершенстве эонами, и по необходимости был порожден вследствие этого несовершенства, так что, если бы эоны не находились в неведении и в уничижении, то не были бы произведены ни Христос, ни Святый дух, ни Предел, ни Спаситель, ни Ангелы, ни их Матерь, ни Ее семя, ни остальное мироздание, но вселенная была бы пустынею и лишена столь великих благ? Поэтому, они нечестивы не только по отношению к Творцу, называя Его плодом несовершенства, но и по отношению к Христу и Святому Духу, Которые, по их учению, порождены по причине этого несовершенства, и Спаситель произведен также вследствие (бытия) несовершенства. И кто допустит их прочую болтовню, которую они стараются хитро приспособить к евангельским притчам, и таким образом вводят в величайшее нечестие себя самих и тех, которые верят им?

## Глава XX.

**Доказательства страданий двенадцатаго эона, приводимые из притчей, из отпадения Иуды и из страдания нашего Господа, не состоятельны.**

1. Что они применяют к своему вымыслу притчи и дела Господа совершенно ненадлежаще и несообразно, я доказываю следующим образом. Они стараются доказать то страдание, которому, по их словам, подвергся двенадцатый эон, тем, что страдание Спасителя причинено двенадцатым апостолом и произошло в двенадцатом месяце. Ибо Он, по их словам, проповедовал один год после Своего крещения. А в женщине, страдавшей кровотечением это обнаружилось, по их словам, вполне ясно; ибо женщина эта страдала двенадцать лет и, прикоснувшись к краю одежды Спасителя, получила исцеление от той силы, которая изошла от Спасителя, и которая, по их словам, прежде существовала. Ибо та страждущая сила, которая расширилась и так разлилась в бесконечность, что подверглась опасности разрешиться во всеобщую сущность, остановилась и перестала страдать, когда прикоснулась к первой Четверице, знаменуемой краем одежды.

2. А что они говорят, будто страдание двенадцатого эона доказывается Иудою, — каким образом может быть здесь сходство с Иудою, который отпал от числа двенадцати и после не возвратил своего места? Ибо эон, Которого образом они называют Иуду, по отделении от своего Помышления, был восстановлен или обратно призваны: Иуда же был удалены и отвержен, а на место его поставлен Матфий, — как написано: «*И епископство его да приимет другой*» (Деян. 1:20; Пс. 108:8). Поэтому они, если этот эон знаменуется Иудою, должны быть были сказать, что двенадцатый эон извержен из Плиромы, и на его место произведен или порожден другой. К тому же они говорят, что эон страдал сам, а Иуда есть предатель, и сами они признают, что Христос, а не Иуда пришел на страдание. Каким же образом Иуда, предатель Того, Кто имел пострадать ради нашего спасения, мог быть типом и образом страждущего эона?

3. И страдание Христа не походит на страдание эона и произошло не при одинаковых с ним обстоятельствах. Ибо эон подвергся страданию разложения и уничтожения, так что страждущий был в опасности даже разрушиться; Христос же, Господь наш, страдал страданием сильным и не напрасным, и не только Сам не подвергался опасности уничтожения, но и укрепил Своею силою тленного человека и

возвратил его в нетление. Далее: эон страдал потому, что искал Отца и не мог найти его: Господь же страдал для, того, чтобы привести к познанию и общению Отца отвратившихся от Него. Для эона исследование величия Отца сделалось причиною разрушительного страдания; нам же пострадавший Господь принесши познание Отца, даровал спасение. Кроме того, страдание эона принесло плод женственный, как они говорят, слабый, бессильный, безобразный и недейственный; страдание же Господа породило крепость и силу: «*Ибо восшед на высоту*», — Господь, через свое страдание, — «*пленил плен и дал дары человекам*» (Пс. 67:19; Еф. 4:8), — и сообщил верующим в Него «*силу наступать на змей и скорпионов, и на всякую силу врага*» (Лк. 10:19), т. е. князя отпадения. Еще: Господь Своим страданием разрушил смерть, рассеял заблуждение, уничтожил тление и упразднил неведение, но открыл жизнь, показал истину и даровал нетление. Их же эон через свое страдание ввел неведение и породил безобразную субстанцию, из которой, по их мнению, произошли все вещественные творения — смерть, тление, заблуждение и тому подобное.

4. Итак, ни двенадцатый ученик — Иуда, ни страдание нашего Господа не были образом страждущего эона; ибо очевидно, что тут нет никакого сходства не только по отношению к тому, что я выше сказал, но даже и по самому числу. Ибо все согласны в том, что предатель Иуда был двенадцатым, так как в Евангелии поименованы двенадцать апостолов; этот же эон не двенадцатый, а тридцатый; ибо по воле Отца произведено не двенадцать только эонов, и он произведен не двенадцатым по порядку, так как они сами считают его произведенным на тридцатом месте. Каким же образом Иуда, по порядку двенадцатый, может быть типом и образом эона тридцатого?

5. А что они говорят, будто погибший Иуда есть образ его Помышления, — то и тут образ не будет сходен с истиною, ему соответствующею. Ибо Помышление, отделившись от эона и в последствии получив образование от Христа и познание от Спасителя, и создав все вне Плиромы по подобию того, что внутри Плиромы, было, наконец, принято в Плирому, и, в силу сочетаний, соединено со Спасителем, Который образован был из всех (эонов), Иуда же, однажды изверженный, никогда не возвращается в число учеников, — иначе на его место не был бы поставлен другой. А Господь сказал об нем: «*Горе человеку, которым Сын человеческий предается*» (Мф. 27:24); и опять: «*Лучше было бы ему не родиться*» (Мк. 14:21), и назвал его «*сыном погибели*» (Ин. 17:12). Если же они говорят, будто бы Иуда есть образ не отделившегося от эона Помышления, а соединенного с ним страдания, — то и тут число двенадцать не может быть типом трех. Ибо в одном случае Иуда был извержен, и на его место поставлен Матфий, а в другом говорится, что эон был в опасности разложиться и уничтожиться, а также Помышление его и страсть; ибо они и Помышление отделяют от страдания, и полагают, что эон был восстановлен, Помышление получило форму, а страдание, отделенное от них, составило вещество. Итак, если здесь три — эон, Помышление и страдание, то Иуда и Матфий, как только двое, — не могут быть их типами.

## Глава XXI.

**Двенадцать апостолов не представляют собою эонов.**

1. Если же они говорят, что двенадцать апостолов служат образом отдела тех двенадцати эонов, которых произвел Человек с Церковью; то они должны и для прочих десяти эонов, которые, как они говорят, происходят от Слова и Жизни, указать, во образ их, десять других апостолов. Ибо не сообразно, что младшие и потому меньшие эоны были назначенованы Спасителем посредством избрания апостолов, а старшие и потому

высшие их не имели таких образов; ибо Спаситель — если только избрал апостолов для того, чтобы чрез них означить эонов в Плироме, мог избрать еще десять апостолов, а прежде этого еще восемь других, дабы числом апостолов выразить первую и родоначальную Осьмерицу, и потом вторую десятерицу; ибо мы видим, что Господь наш, после двенадцати апостолов, послал пред Собою еще семьдесять других; семьдесять же не могут быть образом ни восьми, ни десяти, ни тридцати. Почему же младшие эоны, как я уже сказал, знаменуются апостолами, а высшие, от коих они происходят, вовсе не имеют себе образов? И если двенадцать апостолов избраны для того, чтобы выразить ими число двенадцати эонов, — то и семьдесять должны были быть избраны во образ семидесяти эонов; поэтому они (валентиниане) должны допустить не тридцать эонов, а восемьдесят два. Ибо Тот, Кто избрал апостолов во образ эонов в Плироме, не сделал бы одних образами (эонов), а других нет; а постарался бы чрез всех апостолов сохранить и выразить тип и образ эонов в Плироме.

2. Я не могу также умолчать и о Павле; но должен спросить их, во образ какого эона дан нам этот апостол? Разве быть может во образ их сложного Спасителя, составленного из соединение всех, Которого они, как состоящего из всех, называют «всем», и на Которого ясно намекает поэт Гезиод, называя его Пандорою, т. е. даром всех, так как в него вложены из всех наилучшие дары. Рассказ об этом таков: Гермес (так называется по-гречески) (Αιμυλιος τε λογος και επικλοπον ηθος ες αυθος κατθετο) (или по-латински): Fraudulentiae, sive seductionis verba et subinvolantes mores indidit eorum sensibus, «вложил в них обольстительные слова и лукавые мысли», дабы увлечь неразумных людей к тому, чтобы поверили их вымыслам. Ибо мать, т. е. Лито, тайно побудила их (почему она и называется Лито), — согласно с значением греческого слова, так как она тайно побуждает людей) без ведома Демиурга возвестить глубокие и неизреченные тайны «*льстя слуху*» (2 Тим. 4:3). И их мать сделала то, что эта тайна была высказана не только Гезиодом, но и весьма тонко лириком Пиндаром, когда он изображает Демиурга в лице Пелопса, Которого тело, разрубленное отцом на части, было собрано и составлено всеми богами, и таким образом выразило Пандору, и эти люди, имеет сожженную совесть (1 Тим. 4:2), говорят то же самое и оказываются одинакового с ними рода и духа.

## Глава XXII.

**Тридцать эонов не знаменуются тем, что Христос на тридцатом году крестился; и Христос пострадал не через двенадцать месяцев после крещения.**

1. Я уже показал, что их число тридцать во всяком случае несостоятельно, так как в Плироме оказывается то мало эонов, то очень много. Поэтому, эонов не тридцать, и Спаситель пришел к крещению тридцати лет не для того, чтобы указать этим порожденных от Молчания тридцати эонов; ибо иначе они должны прежде всего выделить и устранить из Плиромы Его Самого (Спасителя). Они говорят еще, что Спаситель пострадал в двенадцатом месяце, так что Он проповедовал один год после крещения, — и стараются доказать это пророчеством. Ибо написано: «*возвестить приятный год Господний и день возмездия*» (Ис. 61:2), поистине они считающие себя постигшими бездны Глубины, слепотствуют и не разумеют, что называет Исаия приятным годом Господним и днем возмездия. Ибо пророк говорит не о дне, продолжающемся двенадцать часов, и не о годе, измеряемом двенадцатью месяцами. Они и сами соглашаются, что пророки говорили по большей части притчами и аллегориями, а не строго в буквальном смысле.

2. Днем возмездия назван тот, когда Господь воздаст каждому по делам его, — т. е. суд. Приятный же год Господний есть настоящее время, когда верующие в Господа призываются Им и делаются угодны Богу, — т. е. все время от Его пришествия до совершения (всего), в продолжение Которого он собирает себе, как плоды, тех которые спасаются. Ибо, по изречению пророка, день возмездия последует за (приятным) годом, и пророк сказал бы неправду, если бы Господь проповедовал только один год и если бы он говорил об этом. Ибо где день возмездия? год прошел, а дня возмездия все еще нет, но Он и доселе повелевает «*солнцу своему восходить над добрыми и злыми*» (Мф. 5:45) и посылает дождь на праведных и неправедных«. Еще и теперь праведные преследуются, подвергаются мучениям и умерщвляются, а грешные живут в избытке и пьют под звуки цитры и лиры, на дела Господни не обращая внимание (Ис. 5:12). А по вышеупомянутому изречению (пророка) должны быть соединены между собою и за (приятным) годом следовать день возмездия. Ибо сказано: «возвестить приятный год Господний и день возмездия»; поэтому, справедливо разумеется под «приятным годом Господним» время, в которое люди Божии призываются и спасаются Господом; а за ним последует «день возмездия», т. е. суд. Но это время пророк и апостол Павел называют не только годом, а и днем; апостол, помня Писание, говорит в Послании к Римлянам: «*как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день; считают за овец, обреченных на заклание*» (Рим. 8:36). Здесь слово «*всякий день*» сказано в смысле всего времени, в течение Которого мы терпим гонение и умерщвляемся, как овцы. Поэтому, как здесь день означает не день, состоящий из двенадцати часов, а все время, в течение Которого верующие страдают и подвергаются смерти за Христа, — так и там говорится не о годе, состоящем из двенадцати месяцев, а обо всем времени веры, в течении которого люди, слышащие проповедь, веруют, и соединяющиеся с ним становятся угодны Господу.

3. Но весьма удивительно, что они, говоря о себе, будто постигли глубины Божии, не поискали в Евангелиях, сколько раз Господь после крещения приходил в Иерусалим во время пасхи, по обычаю иудеев собираться ежегодно в это время отовсюду в Иерусалим и праздновать там пасху. В первый раз Он пришел на праздник пасхи, после того, как Он в Кане Галилейской сотворил из воды вино, — как написано: «*многие, уверовали в Него, увидев знамения, которые Он сотворил*» (Ин. 2:23)«, как рассказывает Иоанн, ученик Господень. Удалившись отсюда он находился в Самарии, где беседовал с Самарянкою и заочно исцелил словом сына сотника, сказав ему: «*Иди, сын твой жив*» (Ин. 4:50). Затем, во второй раз Он отправляется в Иерусалим на праздник пасхи, когда исцелил расслабленного, лежавшего тридцать восемь лет около купальни, повелел ему встать, взять свою постель и ходить. После этого Он отправился на ту сторону моря Тивериадскаго, где, видя множество народа за Ним последовавшего, Он насытил все это множество пятью хлебами от которых осталось еще двенадцать полных коробов кусков (Ин. 6:1 и следущее). Когда Он, потом, воскресил из мертвых Лазаря, и когда фарисеи стали злоумышлять на Него, — Он отправился в город Ефраим; и отсюда, как написано, за шесть дней до праздника пасхи пришел в Вифанию (Ин. 11:54; 12:1), и из Вифании, пришед в Иерусалим, вкусил пасху и в следующий день пострадал. А всякому понятно, что эти три пасхи были не в одном году. Если же те, которые хвалятся своим знанием всего, не знают, что даже месяц, в который празднуется пасха, и в который Господь пострадал есть не двенадцатый, а первый, то могут узнать об этом из Моисея. Поэтому их объяснение года и двенадцатого месяца оказывается ложным, и они должны отвергнуть или свое объяснение или Евангелие; иначе, каким образом возможно, что Господь проповедовал один только год?

4. Имея тридцать лет от роду, когда Он крестился, и достигнув совершенного возраста, чтобы быть учителем, Он пришел в Иерусалим, и у всех по справедливости слыл за учителя; ибо Он не казался чем-либо иным, а не тем, чем Он был, — как говорят люди,

почитающие Его чем-то кажущимся; но чем Он был, тем и казался. Поэтому Он, будучи учителем, имел и возраст учителя, не отвергая человека, не поставляя Себя выше его и не нарушая в Себе закона человечества, но освящая всякий возраст соответствующим ему периодом в Своей жизни. Ибо Он пришел спасти Собою всех; всех — говорю, — которые чрез Него возрождаются в Бога, — младенцев [1], детей, отроков, юношей и старцев. Поэтому, Он прошел чрез все возрасты, — сделался младенцем для младенцев, и освятил их; сделался малым для малых, и освятил имеющих такой возраст, вместе с тем подав им пример благочестия, правоты и послушания; сделался юношею для юношей, являясь для них образцом и освящая их для Господа. Он был также старцем для старцев, дабы по всему явиться совершенным учителем, — не только по изъяснению истины, но и по возрасту, освящая вместе с тем и взрослых и служа для них образцом; затем Он дошел до смерти, дабы быть «*перворожденным из мертвых и иметь во всем первенство*» (Кол. 1:18) быть *начальником жизни* (Деян. 3:15), первейшим всех и предшествующим всем.

5. Они же, чтобы подкрепить свой вымысел относительно слов написания: «*возвестить благоприятный год Господний*», — говорят, что Он проповедовал один только год и пострадал в двенадцатый месяц, забываясь таким образом к своей невыгоде, ибо разрушают этим все дело Его и отнимают у Него более необходимый и более почтенный возраст, — то есть, возраст зрелый, когда Он, как учитель, превосходил всех. Ибо, каким образом Он имел бы учеников, если бы не учил? И как бы Он учил, если бы не имел учительского возраста? Он крестился, когда Ему не исполнилось тридцати лет, а было только около тридцати лет, как полагает Лука, упоминающий о Его летах. «*Иисус же был лет около тридцати*» (Лк. 3:23), когда пришел креститься, и (по словам их) после крещения проповедовал только один год; пострадал, будучи тридцати лет, когда был еще молодым человеком и не достиг более зрелого возраста. А всякий согласится, что тридцатилетний возраст есть начало мужеского возраста, который продолжается до сорокового года; с сороковых же и пятидесятого годов начинается уже преклонный возраст, в котором учил наш Господь, — как свидетельствует Евангелие и все старцы, собиравшиеся в Азии около Иоанна, ученика Господня, что им передал это самое Иоанн; а он был с ними до времени Траяна. Некоторые же из них видели не только Иоанна, но и других апостолов, и слышали от них то же самое и свидетельствуют об этом обстоятельстве. Кому же должно более давать веры? Таким ли людям или же Птоломею, никогда не видавшему апостолов и даже во сне не ходившему по стезе Апостола.

6. Кроме того, даже иудеи, которые в то время спорили с Господом Иисусом Христом, совершенно ясно указали на то же самое. Ибо, когда Господь сказал им: «*Авраам, отец ваш, рад был видеть день Мой; и увидел, и возрадовался*», — то они отвечали ему: «*Тебе нет еще пятидесяти лет, и Ты видел Авраама*» (Ин. 8:56—57)? Эти слова могли быть сказаны тому, кто прожил уже сорок лет, но еще не достиг пятидесятого года, и однако не далек от пятидесятого года. А тому, кто тридцати лет, они сказали бы так: Тебе нет еще сорока лет. Ибо, те, которые желали выставить Его лжецом, конечно не стали бы увеличивать Его лета более того возраста, какой они видели Его имеющим, а обозначили лета ближайшие к Его возрасту, потому что они или действительно знали их из переписи, или же заключили об них по Его возрасту, видя, что Ему более сорока, а не тридцать лет. Ибо совершенно неразумно предполагать, чтобы они, желавшие выставить Его моложе времени Авраама, ложно прибавили Ему двадцать лет. Но, что они видели, то и сказали; и Тот, Кого они видели, был не призрак, но истина. Следовательно, он был не далек от пятидесяти лет, — и потому они сказали ему: «*Тебе нет еще пятидесяти лет, — и Ты видел Авраама*»? Итак, Он проповедовал не один год и пострадал не в двенадцатый месяц. Ибо время от тридцатого до пятидесятого года никак не может считаться за один год, разве только тем из эонов, которые по порядку восседают близ Глубины в Плироме,

могут быть назначенье столь длинные годы; о никто сказал и поэт Гомер, вдохновляемый конечно матерью их заблуждения:

Восседая близ Зевса теперь стали боги
На землю златую[2].

## Глава XXIII.

**Жена, страдавшая кровотечением, не есть образ падшего эона.**

1. Кроме того их невежество ясно открывается и относительно той жены, которая, страдая кровотечением, прикоснулась края одежды Господа и исцелилась, — ибо они говорят, что эта жена изображает двенадцатую страждущую и излившуюся в беспредельность силу, т. е. двенадцатого эона, — во-первых потому, что, как я уже показал, этот эон, согласно с их системою, не есть двенадцатый. Если даже допустить им и это, то все-таки из двенадцати их эонов одиннадцать, по словам их, оставались не причастны страданию, а двенадцатый подвергся ему; жена же эта, напротив, исцелилась на двенадцатом году, а из этого ясно, что она в течение одиннадцати лет беспрерывно страдала, а на двенадцатом году выздоровела. Если же скажут, что одиннадцать эонов были подвержены неисцелимому страданию, а двенадцатый исцелился, — то складнее жену назвать подобием тех эонов. А так как она страдала одиннадцать лет, и не исцелилась, а выздоровела уже на двенадцатом году, то как же может она быть образом двенадцатого эона, тогда как одиннадцать эонов совсем не страдали, а только двенадцатый подвергся страданию? Ибо образ и тип могут быть не сходны с истиною (ими знаменуемой) относительно материи и субстанции, но по форме и виду должны иметь сходство с нею и посредством настоящего представлять то, чего нет на виду.

2. И не по случаю одной только этой женщины обозначаются годы болезни, которые они приноравливают к своему вымыслу, но вот другая еще женщина, которая, будучи больна восемнадцать лет, также была исцелена, и о которой Господь говорит: «*Сию дочь Авраамову, которую связал сатана уже восемнадцать лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний*» (Лк. 13:16)«? И если та жена была образом двенадцатого страждущего эона, то и эта должна быть образом восемнадцатого страждущего эона. А этого они не могут утверждать; ибо иначе их первая и родоначальная Осьмерица будет причтена к страждущим вместе эонам. Но Господь исцелил еще другого человека, страдавшего тридцать восемь лет, и потому они должны допустить еще тридцать восьмого страждущего эона. Ибо, если то, что совершил Господь, есть подобие того, что находится в Плироме, то подобие должно быть соблюдено во всем. Но они не могут подвести под свою вымышленную систему ни жену исцеленную спустя восемнадцать лет, ни человека исцеленного по истечении тридцати восьми лет. А говорить, будто Господь в одном случае наблюдал тип, а в другом не наблюдал, нелепо и неосновательно. Следовательно очевидно, что и жена (кровоточивая) не может подходить к их системе эонов.

## Глава XXIV.

**Нелепость доказательств, заимствуемых еретиками из чисел, букв и слов.**

1. Ложность их учения и несостоятельность их вымыслов доказывается еще и тем, что они ищут доказательств то в числах и слогах имен, то в буквах и слогах, а иногда в числах, выражаемых у греков буквами. Тут ясно выказывается запутанность и нелепость, несостоятельность и натянутость их «знания». Ибо они, переводя имя Иисус, принадлежащее совершенно иному языку, на греческое счисление, то называют его числом знаменательным (эписимон), так как оно состоит из шести букв, то «Полнотою Осьмериц», так как оно содержит в себе число восьмисоть восьмидесяти восьми. Но они умалчивают о Его греческом имени Сотир, т. е. Спаситель — так как оно не подходит к их вымыслу ни по числу своему, ни по буквам. Ибо, если они принимают, что, по предвидению Отца, имена Господа своими числами и буквами обозначают число в Плироме, — то и греческое имя Сотир должно выражать на греческом языке, как своими числами, так и буквами таинство Плиромы. Но это не так; ибо это слово (Σωτηρ) состоит из пяти букв, а число его есть 1408. А это вовсе не подходит к их Плироме, и потому их толки относительно Плиромы не истинны.

2. Кроме того имя Иисус на собственном языке Евреев имеет, как говорит их учение, только две с половиной буквы и означает Господа, содержащего небо и землю; ибо слово Иисус на древнем еврейском языке значит Небо, а земля называется (sura usser). Следовательно слово, заключающее и небо и землю, есть Иисус. Поэтому, их (еретиков) приложение знаменательного числа не верно, и их счет очевидно опровергается. Ибо, на их собственном языке, греческое слово (Σωτηρ) (Спаситель) имеет пять букв, а на еврейском языке слово Иисус имеет две с половиною буквы. Следовательно их число 888 совершенно падает. И вообще еврейские буквы, которые по своей более глубокой древности и неизменности должны бы удерживать счисление выражаемое именами, вовсе не соответствуют греческим числам. Ибо этих древних и первоначальных букв Евреев, называемых также священническими, числом десять, но они обозначаются посредством пятнадцати, по соединении последней буквы с первою. И, притом, они пишут иногда по порядку, как мы, а иногда в обратном направлении с правой стороны к левой. И Христос, Который, по их мнению, порожден для упрочения и исправления их Плиромы, должен бы иметь в Своем имени числовое значение, сходное с эонами этой Плиромы. Точно также и в имени Отца буквы и числовое значение должны бы были выражать число порожденных им эонов, равно как и Глубина и Первородный, а в особенности высшее имя, которым называется Бог, — по-еврейски Варух [3], — состоящее из двух с половиною букв. Итак, если в еврейском и греческом языках наиболее важные имена не сходны с их вымыслом ни по числу букв, ни по числовому их значению, то ясно открывается и относительно прочих слов натянутость придуманного ими бесстыдным образом числового значения.

3. Ибо они заимствуют из Закона все подходящее к числу, принятому в их системе, и стараются отсюда насильственным образом извлечь доказательство в ее пользу. Но если их Мать, или Спаситель, хотели представить чрез Демиурга образы того, что находится в Плироме, то Они постарались бы представить эти образы в том, что наиболее истинно и свято, а преимущественно в Кивоте Завета, ради Которого была устроена и вся Скиния Свидения. А этот Кивот имеет два с половиною локтя в длину, полтора локтя в ширину и полтора — в вышину (Исх. 25:10); эти же числа локтей ни в чем не подходят к их вымыслу, тогда как они-то особенно должны были выражать собою подобие. Очистилище также вовсе не подходит к их объяснениям, равно как и стол для хлебов предложения, который имел два локтя в длину, один — в ширину, и полтора — в вышину (Исх. 25:17.23). Это находилось пред Святым Святых, и ни одна цифра не содержит указание на Четверицу, или Осьмерицу, или прочую их Плирому. Но что светильник с семью ветвями (Исх. 25:31—32) и семью светилами? Если бы он был устроен по подобию, то должен был иметь восемь ветвей и столько же светил, во образ первой Осмерицы, блистающей между эонами и озаряющей всю Плирому. Завесы, коих числом десять, они с особенным

усердием сосчитали, — и назвали их образом десяти эонов; но они не сосчитали одиннадцати покровов (Исх. 26:1,7). Они не смерили также величину завес, из коих каждая имеет в длину 28 локтей (Исх. 26:2). Точно также длину столпов, в десять локтей, они объясняют своими десятью эонами. «*Ширина же каждого столпа равна полутора локтям*» (Исх. 26:16) — этого они не объясняют, равно как и числа всех столпов и их засовов (Исх. 26:26), так как оно не имеет ничего общего с их учением. Что же елей помазания, освещавший всю скинию? Может быть, их Спаситель не знал о нем ничего, или Демиург, во время сна Матери, сам собою распорядился на счет его веса, — почему он и не согласуется с их учением о Плироме, содержа в себе пятьсот сиклей мирры, пятьсот кассии, двести пятьдесят корицы, двести пятьдесят тростника, и кроме того еще масло, так что состоит из пяти составных частей (Исх. 30:23 и далее). Точно также и фимиам состоял — из стакты, оникса, гальбана, мяты и ладана (Исх. 30:34), и тут, как в составных частях, так и в весе, опять нет ничего подходящего к их системе. Поэтому, неразумно и совершенно нелепо утверждать, будто в высоких и важнейших предметах Закона не было соблюдено подобие, а в прочих, как скоро их число подходит к их учению, содержатся образы того, что находится в Плироме; ибо в Писании каждое число повторяется несколько раз, так что каждый, кому угодно, может заимствовать из Писания не только осмерицу, десятерицу или дванадесятицу, но и всякое другое число, и выдать его за образ вымышленного им заблуждения.

4. Что это справедливо, — доказывает часто встречающееся в Писании число пять, которое не имеет ничего общего с их учением, не подходит к их вымыслу и не может служить образом того, что находится в Плироме. Имя Σωτηρ(Спаситель) состоит из пяти букв, равно как и слово Πατηρ (Отец), слово Αγαπη (Любовь) содержит в себе также пять букв; и Господь наш благословил пять хлебов и насытил ими пять тысяч человек (Мф. 14:19.21); пять дев были названы Им мудрыми, и пять же — неразумными (Мф. 25:2). Далее, пять мужей было с Господом, когда Он получил свидетельство от Отца, именно: Петр, Иаков, Иоанн, Моисей и Илья (Мф. 17:1) С пятерыми же вошел Господь к умершей девице и воскресил ее: «*Он не позволил*, говорит (Писание), *войти никому, кроме Петра, Иакова и отца девицы и матери*» (Лк. 8:51). Богач во аде говорит, что у него пять братьев, и просит, чтобы восставший из мертвых пошел к ним (Лк. 16:28). Купальня, из которой Господь повелел идти домой исцеленному Им расслабленному, имела пять крытых ходов (Ин. 5:2). И самый вид креста имеет пять концов [4], два по длине, два по ширине, и один в средине, на котором опирается пригвожденный. На каждой из наших рук по пяти пальцев; у нас также пять чувств; наши внутренности могут быть разделены опять на пять частей: сердце, печень, легкие, селезенку и почки. Кроме того, весь человек может быть разделен на то же число (частей): голову, грудь, чрево, бедро и ноги. Род человеческий переживает пять возрастов; сначала (человек) бывает младенцем, потом отроком, затем юношею, мужем, и наконец стариком. В пяти книгах Моисей передал закон народу. На каждой из таблиц, которые он получил от Бога, находилось пять заповедей. Завеса, покрывавшая Святое Святых, имела пять столпов (Исх. 26:37). Алтарь всесожжения имел пять локтей в ширину (Исх. 27:1). Пять священников было избрано в цустыне, именно: Аарон, Надав, Авиуд, Элеазар и Ифамар (Исх. 28:1). Эфод и прочее одеяние первосвященника были составлены из пяти материй (Исх. 28:5); они соединяли в себе золото, гиацинт, пурпур, багряницу и тончайшее полотно. Пяти, царей Аморрейских заключил Иисус Навин в пещере и повелел народу попирать их головы ногами (Нав. 10:17). И еще несколько тысяч других подобных вещей может каждый подобрать на это и на какое угодно число из Писания или из окружающих произведений природы. Однако же мы не говорим на этом основании, что выше Демиурга есть пять эонов, не освящаем пятерицу как нечто божественное, не стараемся подкреплять столь пустыми усилиями несостоятельные и нелепые мнения, не заставляем несправедливо превращаться устроенное Богом прекрасное творение в образы вещей несуществующих и не стремимся

вводить безбожные и нечестивые учения, обличение и опровержение коих так доступно для всех, имеющих смысл.

5. Ибо, кто согласится с ними, что год имеет триста шестьдесят пять дней только потому, чтобы было двенадцать месяцев, каждый из тридцати дней, во образ двенадцати эонов, когда на самом деле образ здесь не соответствует (своему первообразу)? Там каждый эон есть тридцатая часть всей Плиромы, а месяц сами они называют двенадцатою частью года. Если бы год разделялся на тридцать, а месяц на двенадцать частей, то тип можно бы было считать подходящим к их вымыслу. Но их Плирома, напротив, делится на тридцать частей, а часть ее — на двенадцать частей. Следовательно Спаситель неразумно сделал месяц образом целой Плиромы, а год образом дванадесятицы, существующей в Плироме; ибо гораздо сообразнее было бы разделить год, как и целую Плирому, на тридцать частей, а месяц на двенадцать, сколько есть эонов в их Плироме. Кроме того, они делят всю Плирому на три части, т. е. на Осьмерицу, Десятерицу и Дванадесятицу; год же делится на четыре части, т. е. на весну, лето, осень и зиму. Но даже и месяцы, которые они называют образом тридесятицы, не имеют точно по тридцати дней, а иные более, иные менее, так как к ним прибавляется пять дней. Да и день не всегда имеет ровно двенадцать часов, а восходит от девяти до пятнадцати, и потом уменьшается от пятнадцати до девяти. Итак, не ради тринадцати эонов устроены месяцы, состоящие из тридцати дней, иначе они все имели бы ровно по тридцати дней; равно как и дни их устроены так не для того, чтобы числом двенадцати часов обозначать двенадцать эонов; иначе они всегда имели бы ровно по двенадцати, часов.

6. Далее, так как они называют все материальное левым, а левое по необходимости подверженным тлению, и говорят, что Спаситель пришел к погибшей овце для того, чтобы перенести ее на правую сторону, т. е. к девяноста девяти спасенным овцам, которые не пропали, а остались во дворе овчем, то они должны допустить, что те, которые составляют число левой стороны, не достигнут спасения. И все, что не имеет этого числа, они должны признать принадлежащим к левой стороне, т. е. тленным. Например греческое слово Αγαπη (любовь), которое, по числовому значению букв, у греков представляет число 93 также принадлежит к левой стороне; и слово Αληθεια (истина), по упомянутому счислению представляющее число 64 принадлежит к материальным субстанциям; и таким образом они принуждены назвать тленными и материальными все священные имена, не достигающие числа 100, а содержащие только числа левой стороны.

## Глава XXV.

**Бог не исследуется буквами, слогами и числами; и не должно исследовать такие предметы, которых не может постигнуть человеческий разум, стоящий далеко ниже Бога.**

1. Если, впрочем, кто возразит на это: что же, разве назначение имен, избрание Апостолов, деяния Господа и устройство сотворенных вещей случайны и не имеют цели? — то я отвечу: конечно нет; но с великою мудростью и тщанием устроено и украшено Богом все сотворенное, как древнейшее, так и то, что Его Слово сделало в позднейшие времена; и этого не должно связывать с числом тридцать, но сообразовать с действительным содержанием или смыслом вещей; не должно также делать исследование о Боге посредством чисел, слогов и букв, ибо это несостоятельно по причине их различия и разнообразия, а также и потому, что каждое учение, которое теперь кто-либо захотел бы подобным образом измыслить, может извлекать из них доказательства, несовместные с истиною, так как они могут прилагаться к весьма многому, — напротив приводит самые числа и все созданное в согласие с существующим учением истины. Ибо не правило

(истины) происходит от чисел, а числа от правила, и не Бог от дел, а дела от Бога. Ибо все от единого и того же Бога.

2. Сотворенные вещи, как они ни разнообразны и многочисленны, находятся в стройной связи и согласии с целым мирозданием, но рассматриваемые каждое в отдельности они взаимно противоположны и несогласны, как тон цитры, состоящий из многих и противоположных друг другу звуков, образует, чрез расстояние между каждым из них, одну согласную мелодию. Поэтому, любящий истину не должен обманываться расстоянием каждого тона, ни воображать, что один звук принадлежит одному художнику и творцу, а другой — другому, или, что один устроил высокие тоны, другой — низкие, а третий — средние; но (признавать) только одного (устроителя всего), как доказательство мудрости, справедливости, благости и красоты целого произведения. И те, которые слышат мелодию, должны хвалить и прославлять художника, удивляться напряжению одних звуков, обращать внимание на слабость других, прислушиваться к средним между двумя первыми, рассматривать и характер других звуков и то, к чему относится каждый из них, и исследовать причину их, но никогда не уклоняться от правила, не отступать от художника, не оставлять веры в единого Бога, сотворившего все, и не хулить нашего Творца.

3. Если же кто не отыщет причины всех исследуемых вещей, пусть он подумает, что человек бесконечно менее Бога, что он только отчасти получил благодать, и еще не равен и не подобен своему Творцу, и не может, подобно Богу, обладать знанием и постижением всех вещей, но насколько тот, кто сегодня создан и получил начало бытия, стоит ниже Того, Кто не создан и всегда есть один и тот же, настолько, относительно знания и исследования причин всего, он ниже Создавшего его. Ибо ты, о человек, не сотворенное существо и не всегда сосуществовал Богу, как Его собственное Слово, но ты только, по Его особенной благости, ныне получил начало бытия твоего и мало-помалу научаешься от Слова познавать распоряжения Творца твоего.

4. Итак, держись порядка твоего познания и не возвышайся, как не знающий доброго, выше Самого Бога, ибо Он недосягаем; не ищи чего-либо выше Творца мира, ибо не найдешь. Творец твой беспределен, и ты не измышляй кроме Него еще другого Отца, как будто бы ты вполне измерил Его, прошел через все мироздание и видел всю глубину, высоту и длину Его. Ибо ты не постигнешь Его и, мысля неестественно, окажется бессмысленным; и если ты будешь продолжать в том же роде, впадешь в безумие, считая себя лучше и выше твоего Творца и воображая, что проник выше Его царства.

## Глава XXVI.

**Знание надмевает, а любовь назидает.**

1. Поэтому, лучше и полезнее оставаться простыми и малознающими и приближаться к Богу посредством любви, нежели считая себя много знающими и очень опытными оказываться хулителями своего Бога, сочиняя себе другого Бога Отца. И потому-то Павел восклицает: «*знание надмевает, а любовь назидает*» (1 Кор. 8:1); не то, чтобы он порицал истинное знание о Боге, — ибо иначе он первого обвинил бы самого себя, — но он знал, что некоторые, надмеваясь под предлогом знания, оставляют любовь Божию и, считая себя совершенными, вводят несовершенного Творца; и потому, отсекая их тщеславие таким знанием, говорит: «*знание надмевает, а любовь назидает*». Но самое большое надмение состоит в том, когда кто считает себя лучше и совершеннее Того, Кто создал его, даровал ему дыхание жизни и это самое призвал в бытие. Итак, гораздо лучше,

как я сказал, если кто-либо ничего не зная, не постигая ни одной причины, почему какая-либо из сотворенных вещей создана, верует в Бога и пребывает в любви к Нему, чем, надмеваясь таким знанием, отпадать от любви, которая животворит человека; (лучше), если он не гонится ни за каким другим знанием, кроме знания Иисуса Христа Сына Божия, распятого за нас, чем чрез хитрые вопросы и тонкие речи впадать в нечестие.

2. Ибо, что было бы, если бы кто, возгордившись попытками такого рода, захотел на том основании, что Господь сказал, что «*и волосы головы вашей все сочтены*» (Мф. 10:30), тщательно познать число волос каждой головы и исследовать причину, почему один человек имеет столько волос, а другой столько, — так как не все имеют их поровну, но многие тысячи людей находятся с разными числами (волос), ибо у одних головы большие, у иных — меньшие, у одних волосы густы, у других редки, а иных очень мало их, — и потом те, которые воображают, что нашли число волос, усиливались бы выставлять это во свидетельство своего учения, которое выдумали? Или еще, если бы кто на основании слов в Евангелии: «*не две ли малые птицы продаются за ассарий? и ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего*» (Мф. 10:29), захотел счесть число ежедневно попадающихся воробьев по всей земле или какой-нибудь ее области и исследовать причину, почему вчера столько, а прежде столько, сегодня же столько-то было поймано, и стал бы применять число воробьев к своему учению; — такой человек не обманывается ли совершенно и не вовлекает ли в великое неразумие тех, которые с ним соглашаются, ибо люди всегда готовы относительно таких вещей думать, что они открыли нечто большее, чем их учители.

3. Если бы кто спросил меня, знает ли Бог всякое число всех вещей созданных и еще созидаемых, и каждая ли из них по Его Провидению получила свойственную ей величину, и я бы подтвердил и сказал, что ничто из всего, что было, есть и будет создано, не ускользает от ведения Божия, но по Его Провидению каждая вещь получала и получает собственный вид, порядок. число и величину, и что ничего не было и не бывает напрасно и случайно, но с великою соразмерностью и превосходным знанием, и что только дивный и, поистине, божественный разум может распознать и показать собственные причины такого порядка вещей; и получив от меня такое свидетельство и согласие, потом повел бы дело к тому, чтобы счесть песок и камни земные, волны морские и звезды небесные и исследовать причины числа, которое он предполагает найденным, — то не справедливо ли назовут такового все здравомыслящие трудящимся попусту, нелепым и неразумным? И чем более сравнительно с прочими он будет заниматься такими вопросами и чем более он будет думать о себе, как будто об открывшем нечто особенное, называя прочих людей неискусными, невежественными и душевными за то, что они не предпринимают его столь пустого труда; тем более он будет неразумен и глуп, как бы ошеломленный молнией, потому что ни в чем не уступает Богу, но даже чрез свое знание, которое воображает себя открывшим, изменяет Самого Бога и свою мысль возносит выше величия Творца.

## Глава XXVII.

**Надлежащий способ толкования притчей и темных мест Писания.**

1. Здравый ум, благонадежный, преданный благочестию и любящий истину будет охотно размышлять о вещах, которые Бог отдал под власть человеков и подчинил нашему познанию, и будет успевать в том, облегчая для себя изучение их посредством ежегодного упражнения. Сюда относится то, что подлежит нашему зрению, и что ясно и не обоюдно в точных словах выражено в Священных Писаниях. И поэтому притчи не должны быть приспособляемы к обоюдным (вещам); ибо в таком случае и тот, кто объясняет их,

объясняет безопасно, и притчи получат одинаковое толкование от всех, и тело истины сохраняется целым, в стройном сочетании членов и без повреждения их. Но что сказано не ясно и не очевидно само по себе, это прилагать к истолкованию притчей, которое всякий придумывает как хочет — (безрассудно). Ибо в таком случае ни у кого не будет правила истины, но столько будет толкователей притчей, столько окажется истин, взаимно себе противоречащих и установляющих противоположные друг другу учения, что мы и видим в исследованиях языческих философов.

2. При таком образе действования человек всегда будет искать, но никогда не находит, потому что он отвергнул самый способ нахождение (истины). И (притча о том), кто во время пришествие жениха имеет светильник не готовый, не горящий сиянием ясного света (Мф. 25:5 и далее), весьма идет к тем, кто ищет объяснений притчей в впотьмах, оставляя Того, Кто ясною проповедью щедро оделяет приходящих к Нему, и чрез то исключается из чертога Его. Посему, когда все Писания, и пророческие книги, и Евангелия [5], которые могут быть всеми слышимы ясно без обоюдности и согласно, хотя не все веруют им, возвещают, что единый Бог, исключая всех других, сотворил Словом Своим все — видимое и невидимое, небесное и земное, водное и подземное, как я показал, из слов Писаний, и когда самое творение, в котором мы живем, посредством того, что видим, свидетельствует то же самое, именно, что Единый сотворил это и управляет, — то весьма неразумными окажутся те, которые, при столь ясном откровении, слепотствуют очами и не хотят видеть света проповеди, но связывают самих себя, и каждый из них чрез темные истолкование притчей воображает найти своего собственного Бога. А что об Отце, выдуманном теми, которые держатся противоположного мнения, совершенно ничего ясно и беспрекословно не сказано ни в каком Писании, они сами свидетельствуют, когда говорят, что об этом Спаситель учил втайне не всех, но только нескольких учеников, которые могли принять, и для разумеющих показал чрез учение, загадки и притчи. И приходят они к тому, что говорят, что один Бог проповедуемый, а другой — Отец, Который обозначается как Отец посредством притчей и загадок.

3. Поелику же притчи могут допускать много толкований, то какой любитель истины не согласится, что утверждать что-либо на них в исследовании о Боге, оставляя известное, несомненное и истинное, есть дело людей, бросающихся в опасность и неразумных? Не значит ли это строить свой дом не на твердом, крепком и открыто лежащем камне, а на рассыпающемся песке? Посему-то и легко разрушается таковое здание.

## Глава XXVIII.

**Совершенное знание не может быть достигнуто в настоящей жизни; многие вопросы должны быть смиренно предоставлены Богу.**

1. Итак, имея для себя правилом самую истину и открыто лежащее свидетельство о Боге, мы не должны в решениях вопросов вращаться по разным сторонам и отвергать твердое и истинное познание о Боге; напротив гораздо приличнее нам, направляя решение вопросов по этому образцу, упражнять себя в исследовании таинства и распоряжения Сущего Бога и возрастать в любви к Тому, Кто ради нас столь много сделал и делает, но никогда не отступят от того верования, которым весьма ясно возвещается, что Тот только есть по истине Бог и Отец, Кто сотворил сей мир и создал человека и дал Своей твари способность возрастания, Кто малое воззывает к Своему большему, и младенца, зачатого в матке, выводит на свет солнечный и пшеницу, окрепшую в стебле, собирает в житницу.

Один и Тот же Творец и образовал утробу и создал солнце, и Один и Тот же Господь и вывел стебель и умножил пшеницу и приготовил житницу.

2. Если же не можем найти в Писаниях объяснение всего, чего мы ищем, все-таки мы не будем искать другого Бога кроме Того, Который есть. Ибо это — величайшее нечестие. Мы должны предоставить это Богу, нас создавшему, справедливо уверенные, что Писания совершенны, так как они изречены Словом Бога и Духом Его, а мы, как низшие и позднейшие по бытию, чем Слово Бога и Дух Его, потому и лишены знания Его таинств. И не удивительно, если так бывает с нами в вещах духовных, небесных и требующих Откровения, когда и из того, что находится у наших ног — я разумею вещи, принадлежащие к сему творению, которые мы осязаем, видим и с которыми постоянно обращаемся — многого мы не знаем и предоставляем это Богу. Ибо Ему надлежит превосходить всех. Что было бы, если бы мы попытались объяснить причину происхождения Нила? Мы можем наговорить много, может быть, верного, может — неверного; истинное же, достоверное и твердое принадлежит Богу. Далее, местопребывание тех птиц, которые весною прилетают к нам, а осенью тотчас удаляются, хотя это бывает в сем мире, ускользает от нашего знания. Что можем сказать о приливе и отливе океана, хотя всякий знает, что есть же определенная причина (этого явления), или о том, что находится за океаном? Что можем сказать об образовании дождей, молнии, грома, собрания облаков, паров, ветров и тому подобных? Или о происхождении снега, града и тому подобного? Или как приготовляются облака, каково свойство паров, по какой причине луна увеличивается и уменьшается, какая причина различие вод, металлов, камней и тому подобное. Обо всем этом мы наговорим много, отыскивая причины всего, но только Бог, создавший это, может открыть истину.

3. Если, поэтому, из вещей творения некоторые подлежат только Богу, а некоторые доступны и нашему познанию, то что мудреного, если и из того, что мы ищем в Писаниях, которые всецело духовны, нечто мы, по милости Божией, уясняем себе, а иное предоставляем Богу, и это не только в нынешнем веке, но и в будущем, дабы таким образом Бог всегда учил, а человек всегда научался от Бога. Так и Апостол сказал, что, тогда как все прочее разрушится, останутся следующие (три): Вера, Надежда и Любовь (1 Кор. 13:13). Ибо вера в отношении к нашему Учителю пребывает неизменною, утверждая нас в том, что един есть истинный Бог, и что мы должны истинно любить Его всегда, что Он один есть Отец, от Которого мы должны надеяться получить нечто большее, и научиться, что Он благ и имеет богатство безмерное, царство бесконечное и научение неисчерпаемое. Посему, если, согласно с упомянутым мною способом (действования), некоторые из вопросов предоставим Богу, то и веру нашу соблюден и пребудем безопасны, и всякое данное нам Богом Писание окажется для нас согласным, и притчи будут согласны с тем, что сказано прямо, и сказанное ясно послужит к объяснению притчей, и во многогласии выражений (в Писаниях) почувствуется единая согласная мелодия, восхваляющая песнями создавшего все Бога. Если, например, кто спросит: что делал Бог прежде сотворения мира, то мы скажем, что ответ на этот вопрос подлежит Богу. Что сей мир сотворен от Бога совершенным, получив начало во времени, — об этом учат нас Писания, но никакое Писание ничего не открывает нам о том, что Бог прежде того делал. Посему, ответ на это поддержит Богу, а нам не следует придумывать глупые, неосновательные и богохульные объяснения на это и, воображая, например, что ты открыл происхождение материи, унижать Самого Бога, все сотворившего.

4. Все вы, выдумывающие такие мнения, помыслите о том, что когда Сам Отец один только называется Богом, Который, поистине, и есть (Бог), но Которого вы называете Демиургом, когда Писания Его только знают Богом, и Сам Господь Его только исповедует Своим Отцом и не знает другого, как я докажу Его собственными словами, и

когда Сего Самого Бога вы называете плодом недостатка и произведением неведения, незнающим того, что выше Его, и многое другое говорите о Нем, — помыслите, какое великое богохульство вы допускаете против Того, Кто истинно есть Бог. По видимому, важно и честно вы говорите, что веруете в Бога, но потом, когда вы не можете показать другого Бога, Сего Самого, в Которого веруете, называете плодом недостатка и произведением неведения. Такая слепота и эти глупые речи у вас происходят от того, что вы ничего не предоставляете Богу, но хотите возвестить рождение и происхождение Самого Бога и Его Мысли и Слова и Жизни и Христа, составляя понятие об этом не по чему другому, а по человеческим страстям, и не разумеете, что, как я выше сказал, относительно человека, который есть сложное существо, можно говорить об уме человека и о мысли его, можно говорить, что от ума происходит мысль, от мысли помышление, от помышление слово — какое слово? Ибо у греков иное λογος, как мыслящее начало, иное — как орудие, посредством Которого выражается разум, — и что человек иногда покоится и молчит, иногда говорит и делает. Но когда Бог есть весь Ум, весь Разум, весь Дух деятельный, весь Свет и всегда существует Один и Тот же, как и полезно нам мудрствовать о Боге и как научаемся из Писаний, то в отношении к Нему не приличны такого рода (человеческие) состояния и разделения (действий). Наш язык, как телесный, недостаточен служить быстроте человеческого разума по его духовной природе, почему наше слово задерживается в нас и произносится не сразу, как оно зачато умом, но по частям, сколько может язык служить ему.

5. Но Бог, будучи весь Ум и весь Слово, то и говорит, что мыслит, и то мыслит, что говорит. Ибо Его мысль есть Его Слово и Слово есть Ум, и всеобъемлющий Ум есть Сам Отец. Посему, кто говорит об Уме Божием и приписывает Ему особенное Его происхождение, тот объявляет Его сложным существом, как будто нечто иное есть Бог и иное — первообразный Ум. Подобным образом и тот, кто и Слову приписывает третье место в происхождении от Отца — почему и не знает Его величие — очень далеко отделяет Слово от Бога. Пророк говорит о Нем: «*род Его кто изъяснит*» (Ис. 53:8)? А вы, толкующие о рождении Его от Отца, переносите произведение слова человеческого посредством языка на Слово Божие, и чрез то сами себя обличаете, что вы не знаете ни человеческого, ни божеского.

6. Неразумно надменные вы дерзко говорите, что знаете неизреченные таинства Божии, — тогда как и Господь, Сам Сын Божий, объявил, что Один Отец знает день и час суда, ясно говоря: *«о дне же том и о часе никто не знает, ни даже Сын, но Один только Отец»* (Мк. 13:32). Если Сын не постыдился приписать знание того дня только Отцу, но сказал истину; то и мы не должны стыдиться предоставить Богу высшие встречающиеся нам вопросы. Ибо никто не выше учителя (Мф. 10:24; Лк. 11:40). Посему, если кто спросит нас: как же Сын рожден от Отца, — мы скажем ему, что никто не знает того произведения, или рождения, или наречения, или откровения, или как иначе кто-либо назовет Его неизреченное рождение. Ни Валентин, ни Маркион, ни Сатурнин, ни Василид, ни ангелы, ни архангелы, ни начальства, ни власти (не знают сего), но только Отец родивший и Сын рожденный. Когда таким образом Его рождение неизреченно, то усиливающиеся изъяснить рождение и произведение находятся не в своем уме, обещаясь изъяснить неизъяснимое. Ибо, что слово происходит от мысли и ума, это все люди знают. И так не великое что-либо и не сокровенное таинство открыли те, кто выдумали (теорию) порождений, когда общеизвестное они перенесли на Единородное Слово Бога; и называя Его неизреченным и неименуемым, они изъясняют происхождение и образование Его первого порождения, как будто бы сами были при родах, уподобляя Его произносимому слову человеческому.

7. Мы не погрешим, если то же самое скажем и о существе материи, потому что ее произвел Бог. Ибо мы знаем из Писаний, что Бог владычествует над всем. Но откуда или каким образом Он произвел ее, об этом ни Писание нигде не открыло, ни нам не следует предаваться мечтанию, пускаясь по собственным мнениям в бесконечные гадания о Боге, но мы должны предоставить такое знание Богу. Подобным образом и вопросы о причине, почему, тогда как все сотворено Богом, некоторые (из Его тварей) согрешили и отпали от покорности Богу, а некоторые и даже самая большая часть их пребыла и пребывает в покорности своему Творцу; а также о том, какой природы те, которые согрешили, и какой те, которые пребывают, должно предоставить Богу и Его Слову, Коему Одному Он сказал: «*Сиди по правую сторону Меня, пока Я врагов Твоих сделаю подножием ног Твоих*» (Пс. 19:1). А мы еще пребываем на земле и не присутствуем еще у Его престола. Ибо хотя Дух Спасителя, сущий в Нем, «*испытывает все и глубины Божия*» (1 Кор. 2:10), но относительно нас есть «*разделение дарований, и разделение служений, и разделение действий*» (1 Кор. 12:4—6), и мы на земле, как говорит Павел, «*отчасти познаем и отчасти пророчествуем*» (1 Кор. 13:9). Посему, если мы отчасти познаем, то все вопросы мы должны предоставить Тому, Кто отчасти дарует нам благодать. Что для грешников приготовлен вечный огонь, об этом и Господь ясно сказал и прочие Писания свидетельствуют. И что Бог предвидел это, так как Он изначала приготовил и вечный огонь для имеющих согрешить, также Писание свидетельствуют, но о самой причине природы согрешивших ни Писание не открыло, ни Апостол не сказал, ни Господь не научил. Итак должно знание о сем предоставить Богу, как и Господь — о дне и часе (суда) — и не впадать в такую крайность, чтобы ничего не предоставлять Богу, особенно когда мы имеем благодать только отчасти. Когда же исследуем то, что выше нас, и чего достигнуть нам не дано, тогда [легко] дойти до такой дерзости, чтобы разоблачать Самого Бога и то, что еще не найдено нами, как будто бы мы уже нашли это, и, пустословя о разных произрождениях, утверждать, что Сам Творец всего, Бог, получил Свою сущность от недостатка и неведения, и таким образом измышлять нечестивое учение вопреки Богу.

8. Кроме того, они не имеют никакого доказательства в пользу недавно вымышленной ими системы в том что свои баснословные, ими изобретенные, сказание стараются подкрепить посредством то каких-либо чисел, то слогов, то имен, то букв, содержащихся в буквах, то притчей, неправильно объясняемых, то каких-либо предположений. Ибо, если кто будет искать причины, почему Господь сказал, что Отец, во всем имеющий общение с Сыном, Один только знает день и час (суда), то не найдет теперь другой более годной, приличной и безопасной причины, как то, чтобы мы научились чрез Него, — ибо Господь есть единый истинный Учитель, — то Отец выше всего. Ибо *«Отец»* — говорит Он — «*больше Меня*» (Ин. 14:28). И Отцу приписано Господом нашим превосходство относительно знания для того, чтобы и мы, поколику пребываем в образе сего мира, предоставили Богу совершенное знание и такого рода вопросы, и чтобы, усиливаясь исследовать возвышенную природу Отца, как-нибудь не подверглись опасности спрашивать, нет ли выше Бога еще другого Бога.

9. Если же кто, любя спорить, станет противоречить сказанному мною и тому, что утверждает Апостол: «*мы отчасти познаем и отчасти пророчествуем*» (1 Кор. 13:9), и будет думать, что он имеет не отрывочное, но всецелое познание всего существующего, таковы напр. Валентин, Птолемей, Василид, или кто-либо из хвалящихся тем, что исследовали глубины Божии, — то пусть он, тщеславно украшая себя, не хвалится, будто он имеет большее познание, чем другие, относительно невидимого или не подлежащего нашему наблюдению, но пусть тщательно исследует и, научившись от Отца, поведает нам о причинах, которых мы не знаем, того, что есть в этом мире: например, о числе волос на своей голове, о воробьях, ежедневно ловимых, и о других прежде не знаемых нами вещах, и тогда мы можем поверить ему и в большем. Если же те, которые «совершенны», еще не

знают того, что в руках, пред ногами, на глазах и на земле, и особенно расположение волос на своей голове, то каким образом поверим им относительно духовного, пренебесного и того, что по их суетному убеждению выше Бога? Это довольно сказать о числах, именах, слогах, о вопросах относительно того, что выше нас, и о неправильном толковании ими притчей, так как сказать пространнее ты можешь сам.

## Глава XXIX.

**Опровержение мнений еретиков о будущей судьбе души и тела.**

1. Обратимся к остальным пунктам их учения. Когда они говорят что, при совершении всего, Мать их опять войдет в Плирому и получит Спасителя, как Своего супруга, а они сами, как духовные, отрешатся от своих душ и, сделавшись разумными духами, будут невестами духовных ангелов; Демиург же, коего называют душевным, поступит на место Матери, а души праведных успокаиваются в среднем месте, и, вообще, когда говорят, что подобное соединится с подобным, духовное с духовным, материальное с материальным, то они противоречат сами себе, потому что души переходят уже не сообразно с своей субстанцией в среднее место к подобным себе (существам), но сообразно с своей деятельностью, ибо, по словам их, души праведных идут туда, а души нечестивых пребывают в огне. Ибо если все души по своей субстанции достигают успокоения и принадлежат к среднему месту просто потому, что они суть души, так как они все одной субстанции, то излишня вера, излишне и сошествие Спасителя. Если же они (получают такое место) за свою праведность, то, значит, не потому, что они душой, а потому, что праведны. А если души погибли бы, если бы не были праведны, то праведность имеет силу спасти и тела, ибо почему бы она не спасла их, когда и они участвовали в праведности? Если спасает природа и субстанция, тогда все души спасутся, а если — праведность и вера, то почему они не спасут тел, которые, подобно душам, могут принять нетление? Ибо праведность в таком случае явится или бессильною или несправедливою, если она одно спасает за участие в ней, а иное не спасает.

2. Ибо известно, что дела праведности совершаются в телах. Поэтому, или все души необходимо перейдут в среднее место и им не будет суда, или и тела, участвовавшие в праведности, вместе с душами, ей причастными, достигнут места прохлады, если только праведность может приводить сюда те (существа), которые были ей причастны; и верным и твердым окажется слово о воскресении тел, в которое мы верим, потому что и наши смертные тела, соблюдающие праведность, Воскрешающий сделает нетленными и бессмертными. Ибо Бог выше природы; у Него есть хотение, потому что благ, есть сила, потому что могущ, и исполнение, потому что богат и совершен.

3. Они же (еретики) совершенно противоречат себе, когда говорят, что не все души, а только души праведных переходят в среднее место. Ибо три рода (существ), — говорят они — естественно и субстанциально произведены Матерью: первый, происшедший из смущения, печали и страха, это материя; другой — от устремления, это душевное; третий — тот, который она произвела от созерцания ангелов, окружающих Христа, это духовное. Если существа, ею произведенные, по своей духовности непременно войдут в Плирому, а материальное, как материальное, останется внизу и при воспламенении огня, в нем находящегося, совершенно истребится, — то почему не все душевное перейдет в среднее место, куда они посылают и Демиурга? Что же войдет в их Плирому? Души, по словам их, будут находиться в среднем месте; тела же, поелику имеют материальную субстанцию, разложившись в материю, сгорят от огня, в ней находящегося. А с уничтожением тела и с переходом души в среднее место, ничего уже не остается от человека, чтобы вошло в

Плирому. Ибо разум человека — ум его, мысль, направление ума и тому подобное не суть что-либо особое от души, но движение и действие самой души, которые без души не имеют никакой субстанции Что же из них останется, чтобы вошло в Плирому? Ибо и сами они, поколику суть души, останутся в среднем месте, а поколику — тела, сгорят с остальной материей.

## Глава XXX.

**Нелепость еретиков, которые себя называют духовными, а Демиурга душевным.**

1. И при таком положении дела, эти глупцы говорят, что они восходят выше Демиурга, и провозглашают себя превосходнее Того Бога, Который сотворил и украсил небеса и землю, и моря и все, что в них, и себя самих бесстыдно считают духовными, тогда как на самом деле они плотские ради такого своего нечестия, а Того, Кто сотворил ангелов Своих духами (Пс. 103:2,4), одевается светом, как ризою, и держит шар земной как бы в руке, и пред Которым обитатели его являются как стрекоза, Творца всей духовной субстанции и Бога называют душевным, — сим самым они без сомнения и истинно обличают свое безумие и, как будто действительно пораженные громом, даже более, чем гиганты, упоминаемые в баснословии, воздвигают свои мысли против Бога, напыщенные суетным превозношением и тщетною славою — люди, для очищение коих недостаточно чемерицы всей земли, чтобы им освободится от своей столь великой глупости.

2. Лучший должен оказываться из своих дел. Каким же образом они (еретики) могут показать себя лучшими Творца мира — и я, по требованию речи, впадаю в нечестие, делая сравнение между Богом и безумными людьми, нисходя в их доказательства и часто их опровергая их же собственными учениями; но да будет Бог милостив, ибо это говорю я не для того, чтобы сравнивать Его с ними, но чтобы обличить и опровергнуть их безумие — они, пред которыми многие из неразумных людей изумляются, как будто бы могли от них научиться чему-либо большему, чем самая истина? Выражение в Писании «*ищите и найдете*» они объясняют так, будто оно сказано для того, чтобы они находили самих себя выше Творца, называя себя большими и лучшими Бога, и притом духовными, а Творца душевным, и утверждая на этом основании, что они восходят выше Бога, именно они входят в Плирому, а Бог остается в среднем месте. Пусть же они своими делами докажут, что они лучше Творца. Не на словах, а на том, что есть, должен показывать себя лучший.

3. Какое же укажут они дело, произведенное чрез них Спасителем или Матерью их, которое было бы больше или славнее или премудрее того, что сотворено устроившим все это? Какие небеса утвердили они? Какую землю основали? Какие звезды произвели? Какие светила создали они, чтобы сиять? Какими кругами их ограничили? Какие дожди или холода и все, соответствующее времени года и каждой стране, устроили на земле? Какой жар и сухость противопоставили им? Какие реки они заставили течь, какие источники произвели? Какими цветами и деревьями украсили поднебесную? Какое множество животных образовали они, частью разумных, частью не разумных, но которые все наделены красотою? И кто может перечесть порознь все прочее, что создано силою Божьею и управляется Его премудростью, или исследовать величие премудрости сотворившего сие Бога? А что сказать о существах пренебесных и непреходящих, каковы ангелы, архангелы, престолы, господства и бесчисленные власти? Какому одному из сих созданий они могут противопоставить себя? Что подобному сему они могут представить сделанное чрез них или ими самими, когда они и сами суть произведение и создание сего (Творца)? И если Спаситель или их Мать, — скажем их собственными словами, чтобы

посредством их же выражений обличить их ложь, — воспользовалась сим существом, как они говорят, для того, чтобы создать образы того, что в Плироме, и всего, что Она видела около Спасителя, то Она воспользовалась Им (Творцом мира), как лучшим и более годным для исполнения Ее воли, ибо Она никак не могла произвести образы столь важных существ чрез низшего (деятеля), а только чрез высшего.

4. Ибо и сами они тогда были, по их собственному объяснению, духовно зачаты вследствие созерцания тех существ, которые, как спутники, окружали Пандору. И они однако оставались бездейственными — так как Мать их ничего чрез них не сделала по руководству Спасителя, — бесполезным и ни к чему негодным зачатием, ибо не видно ничего чрез них произведенного. Но Бог, Который, по их словам, был произведен, и ниже их самих, по их объяснению — ибо Ему приписывают душевную природу — тем не менее был во всем деятелем, действенным и годным к тому, чтобы чрез Него произведены были образы всего; и не только это видимое, но и невидимое — ангелы, архангелы, господства, власти, силы, все создано чрез Него, как чрез существо лучшее и способное послужить воле (Матери их). Но не видно, чтобы Мать их произвела что-либо чрез них, как и сами они признаются, так что справедливо почитать их выкидышем худо рождающей Матери их. Ибо не служили при родах Ее искусные повивители, и потому они явились, подобно выкидышам, ни к чему не полезными, негодными ни к какому делу Матери. А между тем они называют себя высшими Того, Кем сотворены и устроены столь великие и прекрасные творения, — тогда как, и по их собственному рассуждению, они оказываются гораздо низшими.

5. Как если бы было два железных орудия или два инструмента, из коих один всегда имел бы в руках и употреблении своем художник и им делал, что угодно, и показывал свое искусство и мудрость, а другой оставался бы праздным и без действия, и им совершенно ничего не делал художник и не пользовался ни для какого действия, и потом кто-либо назвал бы это праздное и недействующее орудие лучшим и более дорогим, чем то, которым пользуется художник в деле своем и чрез которое получает свою славу, — то таковой человек справедливо сочтен был бы за тупого и находящегося не в своем уме. Так и те, которые себя называют духовными и высшими, а Демиурга душевным, и говорят, что, поэтому, восходят в Плирому и входят к своим мужьям, — ибо они, как сами утверждают, суть женщины, — Бог же (Творец) ниже их и, поэтому, остается в среднем месте, и на это не представляют никаких доказательств — ибо лучший обнаруживается из дел, все же дела совершены Творцом мира, а они не могут показать никакого достойного разума произведение своего — по истине содержимым величайшим и неисцельным безумием.

6. Если впрочем станут усиливаться утверждать, что все материальное, как-то — небо ни весь под ним существующий мир, создано Демиургом, а все более духовное, вышенебесное, именно — начала, власти, ангелы, архангелы, господства, силы, произведено чрез духовный процесс рождения, которым они сами себя называют: то во-первых, мы доказываем из подлинных Писаний, что все вышеупомянутое — видимое и невидимое сотворено Единым Богом. Ибо эти люди не более сведущи, чем Писания, и мы не должны, оставляя изречение Господа, Моисея прочих пророков, возвещавших истину, верить тем, которые не говорят ничего здравого, но бредят нелепости. Далее, если вышенебесное действительно создано посредством их, то пусть скажут нам, какая природа существ невидимых, расскажут число ангелов и чин архангелов, откроют таинства престолов и объяснят различие господств, начал, властей и сил. Но они не могут ничего сказать о сем; поэтому, те (существа) не чрез них сотворены. Если же они сотворены Творцом мира, как и действительно так, и суть духовны и святы, то значит

сотворивший духовное Сам не душевной природы, и таким образом ниспровергнуто их великое богохульство.

7. Что есть на небесах духовные твари, об этом все Писание ясно возвещают, и Павел свидетельствует, что есть духовные существа, когда объявляет, что он «*был восхищен до третьего неба*» (2 Кор. 12:2—4), и еще что он был взят в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя высказать. Какая же ему польза от входа в рай или от вознесения до третьего неба, когда все это находится под властью Демиурга, если он, как некоторые осмеливаются утверждать, имел быть созерцателем и слушателем таинств, которые признаются выше Демиурга? Если он хотел узнать порядок вещей, который выше Демиурга, то он никак не оставался бы в области Демиурга, не обозревши всего — ибо ему оставалось, по их словам, еще четыре неба, чтобы приблизиться к Демиургу и видеть все находящиеся пред ним семь небес, — но, может быть, был бы допущен до среднего места, т. е. до Матери, чтобы от Нее узнать о том, что внутри Плиромы. Ибо внутренний человек его, который, по их словам, и говорил в нем, невидимо существуя, мог достигнуть не только до третьего неба, но и до их Матери. Ибо, если они говорят, что они сами, т. е. их (внутренний) человек тотчас восходит выше Демиурга и уходит к Матери, тем более это было бы с (внутренним) человеком Апостола, потому что Демиург ему не воспрепятствовал бы будучи Сам подчинен, по их словам, Спасителю. Если же и воспрепятствовал бы, то ничего не успел бы. Ибо невозможно, чтобы он был могущественнее провидения Отца и при том тогда, когда внутренний человек, по словам их, невидим даже и Демиургу. Поелику же он (Павел) описал свое вознесение до третьего неба, как нечто великое и прекрасное, то невозможно, чтоб они восходили выше седьмого неба, ибо они не лучше Апостола. Если скажут, что они превосходят его, пусть покажут себя такими посредством дел, ибо они ничего подобного не представили. И он прибавил: «*в теле или вне тела, Бог знает*» (2 Кор. 13:3) для того, чтобы тело не почиталось участвующим в этом видении, как будто бы и оно могло быть причастным тому, что он видел и слышал; и чтобы кто по причине тяжести тела не сказал, что он и не был восхищен; но он допускается туда даже без тела видеть духовные таинства, которые суть действия Бога, сотворившего небеса и землю, создавшего человека и поставившего его в раю для того, чтобы (показать, что) это увидят те, которые подобно Апостолу достигли высокого совершенства в любви Божией.

8. Он-то сотворил духовный мир, коего до третьего неба апостол сделался зрителем и слышал неизреченные глаголы, которых человеку нельзя высказать, потому что они духовны, и Он Сам, как Ему угодно, дарует это достойным, ибо Его рай; и, поистине, Творец мира есть Дух Божий, а не душевное существо, иначе Он никогда не создал бы духовного. Если же Он душевной природы, то пусть скажут нам, кем сотворено духовное. И они не могут представить доказательства того, что это создано чрез порождение их Матери, за которое они выдают себя самих. Ибо, не говоря о духовном, эти люди не могут создать даже муху, или блоху, или другое какое-нибудь малое и незначительное животное помимо того способа, по которому от начала животные естественно производились и производятся Богом чрез испущение семени в существа того рода. Но и Матерью ничего не сотворено Одною, ибо они говорят, что Ею был произведен этот Демиург, Который и был виновником всего создания. И Этого Творца и Владыку всего сотворенного они называют душевным, а себя духовными, — тогда как они не суть виновники или владыки ни одного создания, не только вещей, вне их существующих, но даже и тел своих. Кроме того они, называющие себя духовными и лучшими Демиурга, часто терпят, вопреки желанию, многие страдание в теле своем.

9. Поэтому, справедливо мы обличаем их, что они слишком далеко отклонились от истины. Ибо, если Спаситель создал сотворенные вещи посредством Него (Демиурга), то

Он оказывается не ниже их, но выше, так как Он есть создатель и их самих, потому что и они относятся к сотворенному. Каким же образом следует, что они духовны, а Тот, посредством Которого они созданы, душевен? А если — что одно только истинно, как я показал многими и весьма ясными доказательствами — Он (Творец) Сам Собою свободно и Своею силою сотворил все и все устроил и совершил, и Его воля есть субстанция всего, то Он Один, оказывается, есть Бог, все сотворивший, единый всемогущий и единый Отец, «*Словом силы Своей*» (Евр. 1:3) созидающий и творящий все видимое и невидимое, чувственное и нечувственное, небесное и земное. Он все расположил и устроил Своею премудростью, и, все обнимая, Один только не может никем быть объят; Сам Создатель, Сам Устроитель, Сам Изобретатель, Сам Творец, Сам Господь всего, и кроме и выше Его нет ни Матери, Которую они призывают, ни другого Бога, Которого выдумал Маркион, ни Плиромы с тридцатью Эонами, которая оказалась пустою, ни Глубины, ни Первоначала, ни небес, ни девственного света, ни Эона неименуемого, ни ничьего-либо другого от того, что бредят эти и все эретики. Но один только Бог Творец, Который выше всякого начала, власти, господства и силы: Он есть Отец, Он — Бог, Он — Создатель, Он — Творец, Он — Устроитель, Который сотворил Сам Собою, т. е. чрез Свое Слово и Свою Премудрость, — небо, и землю, и море, и все, что в них; Он праведен, Он благ, Он образовал человека. Он насадил рай, Он устроил мир, Он навел потоп, Он спас Ноя; Он Бог Авраама и Бог Исаака и Бог Иакова, Бог живых; Его возвещает закон, проповедуют пророки, открывает Христос, объявляют нам апостолы, и в Него верует Церковь. Он есть Отец Господа нашего Иисуса Христа; чрез Свое Слово, которое есть Его Сын, чрез Него Он открылся и объявил всем, кому Он открывается, ибо те только знают Его, кому Сын открывает Его; но Сын, вечно существуя с Отцом, издревле и даже искони всегда открывает Отца ангелам, архангелам, властям, силам и всем, кому хочет Бог открыться.

## Глава XXXI.

**Краткое повторение предшествующего опровержения.**

1. С опровержением последователей Валентина низложено все множество еретиков. Ибо все, что я сказал против их Плиромы и того, что вне ее, показывая, как Отец всего ограничивается и замыкается тем, что вне Его — если впрочем есть что-либо вне Его, — и как необходимо быть на всякой стороне многим Отцам, многим Плиромам и многим мирозданиям, которые у одних начинаются, а у других оканчиваются, как все (описанные существа) пребывают в своих собственных областях, не заботясь о других, с коими у них нет никакого соучастия, ни общения, и как нет другого Бога всего, а есть одно только наименование Всемогущего, — все это подобным же образом будет идти и против последователей Маркиона, Симона и Менандра и всех других, подобно им отделяющих окружающее нас творение от Отца. Что затем я сказал против тех, которые утверждают, что Отец всего обнимает конечно все, но окружающее нас творение создано не Им, а другою некоторою силою или ангелами, не знающими Первоотца, Который в виде центра окружен неизмеримым пространством вселенной, как пятно на плаще, и показал, что невероятно, чтобы наше творение создал кто-либо другой, кроме Отца всего, — то же самое может быть сказано и против последователей Сатурнина, Василида, Карпократа и других гностиков, утверждающих подобные мнения. Что также сказано о происхождениях, об эонах и их ниспадении и о непостоянстве Матери их, то ниспровергает и Василида и всех, ложно называющихся «знающими» (гностиками), которые под разными именами говорят то же самое, но более чем первые, чуждое истине привносят в характер своего учения. И что я сказал о числах, может относиться и против всех, таким же образом искажающих истину. И все, что сказано о Творце (Демиурге) в доказательство, что Он Один есть Бог и Отец всего, и что будет сказано в последующих

книгах, то я говорю против всех еретиков. Более умеренных и разумных между ними ты отклонишь и пристыдишь, чтобы они не богохульствовали против своего Создателя, Творца, и Питателя, и Господа и не вымышляли Его происхождение от несовершенства и неведения; а более диких, ужасных и неразумных ты держи от себя подальше, чтобы тебе не терпеть более болтовни их.

2. Далее будут обличены последователи Симона и Карпократа и другие, слывущие за творящих чудеса, которые не силою Божьею, не истинно и не на пользу людям делают свои дела, но на пагубу и заблуждение, и своими магическими обольщеньями и всяческим обманом более вредят, чем приносят пользу людям, им верующим, потому что увлекают их. Ибо они не могут даровать ни слепым зрение, ни глухим слух, ни прогонять всех демонов, — кроме тех, которых сами же насылают, если впрочем и это делают, — ни исцелять немощных, или хромых, или расслабленных, или страдающих другою какою-либо частью тела, как это часто бывает по телесной немощи, ни восстановлять надлежащее здоровье после случающихся отвне болезней. Они не только не воскрешают мертвого, — как воскрешал Господь и апостолы посредством молитвы, и как это часто бывало в братстве по нужде, когда вся местная Церковь молилась с великим пощением и молением, и возвращался дух умершего, и человек был даруем молитвам святых, — но и совершенно не веруют в возможность этого, почитая воскресением из мертвых познание возвещаемой ими истины.

3. Когда таким образом у них заблуждение, обман и магическое обольщение нечестиво совершаются в виду людей, а в Церкви сострадание, милосердие, твердость и истина оказываются, чтобы помочь людям, не только безмездно и даром, но и мы сами употребляем из нашего имущества на благо людей, и весьма часто исцеленные неимущие получают от нас то, в чем нуждаются, — то, поистине, чрез это они обличаются в том, что совершенно чужды божественной сущности, благости Божией и духовной силы. Они, напротив, исполнены всяческого обмана, богоотступного вдохновения, демонского действия и идолопоклоннического мечтания, и, поистине, суть предтечи того дракона (Отк. 12:4), который посредством такого рода обмана своим хвостом увлек третью часть звезд и поверг их на землю. И этих людей, так же, как его, мы должны избегать, и чем с большим чарованьем они действуют, тем тщательнее наблюдать их, как получивших больший дух нечестия. Если кто будет рассматривать то пророчество и ежедневное действование их, найдет, что у них образ действия один и тот же с демонами.

## Глава XXXII.

**Дальнейшее обличение нечестивых учений еретиков.**

1. И нечестивое их учение относительно действий, именно, что им должно испытать всякого рода действия, даже самые худые, опровергается учением Господа, у Которого изгоняется не только любодеец, но и желающий любодействовать, не только убийца виновен в убийстве другого к своему осуждению, но и гневающийся без причины на своего брата; Который заповедал не только не ненавидеть людей, но и любить врагов, не только не клясться ложно, но и просто не клясться, не только не говорить худого о ближних, но и не называть кого-либо рака и глупцом, иначе такие будут повинны геенне огненной, не только не ударять, но ударяемым подставлять и другую щеку, не только не отнимать чужой собственности, но и не требовать, если и своя отнимается, не только не истреблять ближних и не делать им какого-либо зла, но и обидимым быть великодушными и оказывать благосклонность к обижающим и молиться за них, чтобы, покаявшись, могли спастись, — и заповедал нам ни в чем не подражать презорству,

любострастию и гордости других. Посему, если Он, Которым они хвалятся, как своим учителем, и говорят, что Он имел душу гораздо лучшую и более славную, чем другие, с великим тщанием нечто заповедал делать, как доброе и прекрасное а от других — не только дел, но и помышлений, ведущих к делам, воздерживаться, как от худых, гибельных и нечестивых, — то как они могут избежать стыда, когда называют такого Учителя лучшим и более сильные, чем другие, и потом явно дают правила, совершенно противные Его учению. И если бы не было ничего доброго или худого, а только, по мнению человеческому, одно почиталось за несправедливое, а другое за справедливое, то Он не говорил бы так решительно: «*праведные просветятся как солнце в царстве Отца их*» (Мф. 12:43), и Он неправедных и не делающих дел правды пошлет «*в огонь вечный, где червь их не умрет, и огонь не погаснет*» (Мф. 15:41; Мк. 9:44).

2. Если они далее говорят, что им необходимо испытать всякого рода действия и поведение, дабы, если можно, в один период этой жизни все совершить и достигнуть совершенства, то отнюдь не видно, чтоб они старались делать то, что относится к добродетели, что достойно подвига, славы и искусства, и что всеми признается за доброе. Ибо, если необходимо пройти всякого рода дела и поведение, то надлежало бы им, во-первых, изучить все искусства, выражаются ли они в словах или в делах, приобретаются ли они воздержанием, или изучаются посредством труда, размышление и постоянного упражнения, таковы, например, всякого рода музыка, арифметика, геометрия, астрономия и все, что имеет дело с словесным раскрытием; потом, всю медицину и знание растений и другие выработанные для здоровья человеческого: живопись и всякие искусства по меди и мрамору и им подобные, сверх того всякий род сельского хозяйства, скотоводство и врачевание животных, и ремесленные художества, которые, как говорится, проходят по всем искусствам, и мореплавание, гимнастику, искусство охотничье, военное, правительственное и много других, которых десятой, даже тысячной части не могут изучить во всю свою жизнь. И ничего из этих искусств они не стараются изучить, хотя говорят, что им надлежит узнать всякий род действий, но, предаваясь удовольствиям, сластолюбию и гнусным делам, сами собою осуждаются, когда судятся по их учению. Ибо, если у них нет вышеупомянутых (добродетелей), то они пойдут на пожирание огнем. Они следуют философии Эпикура и безразличию циников, а выставляют своим учителем Иисуса, Который отвращает Своих учеников не только от злых дел, но и слов и помышлений, как я уже показал.

3. Еще они говорят, что они имеют души из той же области, как Иисус, и подобны Ему, иногда же (говорят), что и лучше Его, и что они произведены для дел, которые Он совершил для блага и утверждения людей, но между тем оказывается, что они не сделали ничего такого или подобного, или что могло бы идти в какое-либо сравнение (с делами Иисуса). Если и делают что-либо, то, как я сказал, делают посредством магии и стараются обманом обольстить людей неразумных, ибо никакого добра и пользы не доставляют тем, над которыми, как говорят они, совершают силы, но привлекая мальчиков и обманывая зрение, они производят явление, мгновенно исчезающее и даже минуты не продолжающееся, и таким образом оказываются подобными не нашему Господу Иисусу, но Симону волхву. А из того, что Господь воскрес из мертвых в третий день и явил Себя ученикам Своим и в виду их взят на небо, ясно видно, что они, так как умирают и не воскресают и никому не являлись, имеют души нисколько не подобные душе Иисуса.

4. Если впрочем они скажут, что и Господь совершал (Свои дела) также призрачным образом, то я отошлю их к пророческим (писаниям) и из них докажу, что все об Нем так и предсказано и точно исполнилось, и что Он Один есть Сын Божий. Поэтому и истинные ученики Его, получая от Него благодать, совершают во имя Его (чудеса) во благодеяние другим людям, сообразно с тем, как каждый из них получил от Него

дарование. Ибо одни истинно и несомненно изгоняют демонов, так что сами освобожденные от злых духов часто делаются верующими (во Христа) и обращаются к Церкви. Иные имеют предвидение будущего, видение и пророческие речи. Другие же исцеляют больных чрез возложение рук и возвращают им здоровье. Даже, как я уже говорил, и мертвые воскресали и пребывали с нами довольно лет. И что еще? Невозможно перечислить дарования, которые Церковь (рассеянная) по всему миру получила от Бога во имя Иисуса Христа, распятого при Понтии Пилате, и каждодневно являет во благодеяние народов, никого не обольщая, ни от кого не требуя денег. Ибо она как даром получила их от Бога, также даром и раздает.

5. И она совершает это не посредством призываний ангелов или чарований, ни другого худого искусства, но чисто, искренно и открыто обращая молитвы к Господу, все сотворившему, и, призывая имя Господа нашего Иисуса Христа, творит чудеса на пользу людей, а не к их обольщению. Итак, если и ныне имя Господа нашего Иисуса Христа оказывает благодеяние и истинно и несомненно исцеляет всех повсюду верующих в Него, а не имя Симона, или Менандра, или Карпократа, или другого кого, то очевидно, что, сделавшись человеком, Он обращался с Своим созданием и истинно все творил силою Божьею, по воле Отца всего, как предсказали пророки. Что это было, будет изложено вместе с доказательствами из пророческих (писаний).

## Глава XXXIII.

**Нелепость учения о переселении душ.**

1. Учение их о переселении (душ) из тела в тело мы можем опровергнуть тем, что души ничего не помнят того, что прежде было с ними. Ибо, если бы они были произведены для того, чтоб испытать всякий род деятельности, им надлежало бы помнить то, что было прежде сделано, чтобы восполнить недостающее и чтобы не заниматься непрерывно все одним и тем же и не нести жалкого труда, — ибо соединение с телом не могло бы совершенно уничтожить память и ясное представление прежде бывшего, особенно когда для этого пришли (в сей мир). Как теперь душа спящего человека во время покоя тела многое из того, что она видит сама собою и делает в сновидении, вспоминает и сообщает телу, даже иногда по прошествии многого времени: иной наяву рассказывает, что он видел во сне, — так она должна помнить и то, что она делала прежде прибытия в это тело. Ибо, если то, что в короткое время было во сне видно или представлено в воображении и притом одною только душою, она, по соединении с телом и распространении своем во всяком члене, вспоминает, тем более она должна бы помнить то, чем занималась долгое время и в течение целого периода протекшей жизни.

2. В виду этого Платон, тот древний афинянин, который первый ввел это мнение, когда не мог защитить его, придумал чашу забвения, думая, что чрез это он избежит такого рода затруднения, но он не представил на это никакого доказательства, а только догматически отвечал, что души, при вступлении в эту жизнь, демон, состоящий при исходе, напаяет забвением прежде, чем они войдут в тела. Но он незаметно для себя самого попал в другую большую трудность. Ибо, если чаша забвения, после испития от нее, может изгладить память всего сделанного, то откуда, Платон, ты знаешь это, когда теперь душа твоя находится в теле, — именно что она до вступления в тело вкусила от демона напиток забвения? Если ты помнишь о демоне, о чаше и о входе (в эту жизнь), то должен знать и остальное; а если этого не знаешь, то нет правды и в истории о демоне и искусственно сочиненной чаше забвения.

3. Против тех, которые говорят, что самое тело причиняет забвение, может быть сделано следующее замечание. Каким же образом душа то, что она сама собою видит во сне и во время размышления при умственном напряжении, когда тело покоится, помнит и сообщает это своим близким? И если бы самое тело было причиною забвения, то душа, существуя в теле, не помнила бы того, что было давно ею познано посредством зрения или слуха, но как скоро глаз отвратился от зримых предметов, исчезала бы и память о них. Ибо, существуя в самом (орудии) забвения, она не могла бы знать ничего другого кроме того только, что видит в настоящую минуту. И каким образом она могла бы познать божественное и помнить это, существуя в теле, когда самое тело, как говорят они, есть причина забвения? Даже пророки во время пребывания своего на земле, помнили, возвратившись в обыкновенное состояние души, то, что они духовно в видении небесного видели или слышали, и возвещали другим; и тело не производит забвение в душе о том, что она духовно видела, но душа учит тело и сообщает ему о бывшем ей духовном видении.

4. Ибо тело не сильнее души, когда оно от нас получает дыхание, жизнь, возрастание и расчленение, но душа владеет и управляет телом. Она конечно, замедляется в своей быстроте, поскольку тело участвует в ее движении, но не теряет своего знания. Ибо тело подобно орудию, а душа занимает место художника. Как художник сам по себе быстро создает мысль произведения, но медленнее исполняет его посредством инструмента, по неподвижности материала, и быстрота его ума, связанная медленностью орудия, производит умеренное действие, — так и душа, будучи в соединении с телом, в некоторой мере задерживается вследствие того, что быстрота ее связывается медленностью тела, но не теряет совершенно сил своих и, сообщая жизнь телу, сама не перестает жить. Таким же образом она сообщает телу и прочее, но не теряет знание о сем, ни памяти вещей, ею виденных.

5. Посему, если душа не помнит ничего о предшествующем своем состоянии, но здесь получает познание о существующем, то значит она не была некогда в других телах, не делала чего-либо, о чем она и не знает и не знала, чего (умственно) не видит теперь. Но как каждый из нас получает свое тело чрез художество Божие, так получает и свою душу. Ибо Бог не так беден и скуден, чтобы не мог даровать каждому телу особую свою душу, равно как и особенный характер. И, поэтому, по исполнении числа, которое Он сам предопределил, все вписанные в (книгу) жизни восстанут с своими собственными телами, с своими душами и духами, в которых угодили Богу. Достойные же наказания подвергнутся ему также с своими душами и телами в которых они отступили от благости Божией. Те и другие перестанут уже рождать и рождаться, жениться и выходить замуж, так чтобы род человеческий согласно с предопределением Божиим был закончен и сохранил гармонию Отца.

## Глава XXXIV.

**Души помнят о содеянном ими в теле и бессмертны.**

1. Что души не только продолжают существовать, не переходя из тела в тело, но и сохраняют тот же характер тела, какой они имели в соединении с ним, и помнят дела, которые делали здесь и которые теперь уже перестали делать, — это весьма полно Господь изъяснил в рассказе о богатом и Лазаре, покоившемся в недре Авраама. Здесь он говорит, что богатый знал Лазаря после смерти, а также Авраама, и каждый из них находится в своем месте, и богатый просит, чтобы к нему послан был наконец Лазарь, которому он не давал даже крупиц от своего стола. (Он говорит) также об ответе Авраама;

который знал не только свое собственное состояние, но и состояние богатого, и повелел тем, которые не желают попасть в место мучения, слушать Моисея и пророков и принять проповедь Того, Кто имел воскреснуть из мертвых. Чрез это весьма ясно показано, что души продолжают существовать и не переходят из тела в тело, что они сохраняют образ человека, так что могут быть узнаваемы, и помнят о том, что здесь (в этом мире), что Авраам имел дар пророческий, и что каждый класс душ получает достойное жилище еще прежде суда.

2. Если же здесь скажут, что души, не много прежде начавшие существовать, не могут пребывать долгое время, но или должны быть нерожденными, чтобы быть бессмертными, или если получили начало рождения, должны вместе с телом умирать, то пусть знают, что только один Бог, Господь всего, не имеет ни начала, ни конца, истинно и всегда тот же и неизменяемый. Но все, от Него происшедшие (существа), которые были сотворены и творятся, получают начало своего рождение и по этому самому ниже Творца своего, поколику не безначальны, но пребывают и продолжают свое существование в течение длинного ряда веков по воле Творца Бога, так что Он дарует им и то, чтобы они произошли вначале, и то, чтобы существовали после.

3. Ибо, как небо выше нас, твердь, солнце, луна и прочие звезды и все украшение их, хотя они прежде не существовали, получили свое бытие и долгое время пребывают по воле Божией, так и думающий то же и о душах, и о духах, и о всех сотворенных существах нисколько не погрешит, потому что все сотворенное имеет начало своего происхождения, но продолжает свое существование доколе Богу угодно, чтобы это было и продолжалось. В пользу сих мыслей свидетельствует пророческий дух говоря: «*ибо Он сказал и стало, Он повелел и создалось, Он утвердил это в век и в век века*»! (Пс. 148:5—6) И еще о спасении человека он так говорит: «*он просил у Тебя жизни и Ты ему дал долгие дни в век века*» (Пс. 20:2), показывая, что Отец всего дает и то, чтобы спасаемые пребывали в век века. Ибо жизнь не от нас и не от нашей природы, но даруется по благодати Божией. И, посему, кто сохранит, дарование жизни и благодарит Давшего, получит и долгие дни в век века. А кто отвергает ее и явится неблагодарным к Творцу за то, что он сотворен, и не познает Дарователя, тот сам лишает себя пребывание в век века. Господь объявил неблагодарным к Нему: «*если вы не были верны в малом, кто даст вам великое?*» — показывая, что явившиеся в этой временной жизни неблагодарными к Даровавшему ее справедливо не получат от Него долготы дней в век века.

4. Но как душевное тело не есть сама душа, но бывает причастно душе, пока это угодно Богу, так и самая душа не есть жизнь, но участвует в жизни, дарованной ей Богом. Поэтому, и пророческое слово о первозданном говорит: «*он стал душою живою*» (Быт. 2:7), научая нас, что душа, чрез причастие жизни, стала живою, так что особо разумеется душа и особо жизнь, которую она имеет. Когда таким образом, Бог дарует жизнь и ее непрерывное продолжение, то возможно, что и души, прежде не существовавшие, будут продолжать свое бытие, когда Бог захочет, чтобы они существовали и продолжались. Ибо во всем должна господствовать и управлять воля Божия, а все прочее должно уступать Ему, подчиняться и быть в служении Ему. Доселе довольно сказано о происхождении и пребывании душ.

## Глава XXXV.

**Опровержение Василида и того мнения, будто пророки предсказывали по внушению различных богов.**

1. После того, что сказано, и сам Василид будет вынужден, согласно с своими началами, утверждать, что не только триста шестьдесят пять небес преемственно друг от друга произошли, но безмерное и бесчисленное множество небес всегда образовалось, образуется и будет образоваться, и никогда не прекращается такого рода фабрика небес. Ибо, если из истечения первого неба образовалось по его образу второе, по образу второго — третье и так последовательно все остальные, то из истечения нашего неба, которое он называет последним, необходимо должно образоваться другое, ему подобное, а от него еще третье, и никогда не прекращаться ни истечение небес, уже образовавшихся, ни образование новых, и так оно должно продолжаться в бесконечность, до беспредельного числа небес.

2. И прочие, ложно называемые гностиками, которые говорят, что пророки говорили свои пророчества по внушению различных богов, могут быть легко опровергнуты тем, что все пророки проповедовали единого Бога и Господа, Который есть Творец неба и земли и всего, что в них, и возвещали пришествие Сына Его, как я докажу из самых писаний их в следующих книгах.

3. Если же кто возразит, что в писаниях на еврейском языке встречаются различные наименования (Бога), каковы — Саваоф, Элое, Адонаи и другие подобные, стараясь из этого показать, что есть различные силы и боги, то пусть знают, что все такие выражения суть обозначение и название Единого и Того же (Существа). Ибо слово Элое в иудейском языке значит Бог, и Элое означает истинного Бога, а Элоеут в еврейском языке — Вседержителя. Слово Адонаи иногда означает неименуемое и дивное, а иногда с удвоением буквы дельты и с придыханием, напр. Адонаи означает Того, Кто предопределяет и отделяет землю от воды, чтобы вода не могла наплыть на нее. Подобным образом и Саваоф, чрез греческую ω (омега) в последнем слоге, означает свободного, а чрез греческую о (омикрон), например, Саваоф, выражает «первое небо». Также и слово Иоаф, когда в нем последний слог долгий и с придыханием, означает определенную меру, а когда пишется кратко чрез греческий о (омикрон), именно Иаоф, означает «того, кто прогоняет зло». И все прочие выражения составляют наименование Одного и Того же (Существа), как на латинском языке — Господь сил, Отец всего, Всемогущий Бог, Всевышний, Господь небес, Творец, Создатель и им подобные суть название не разных существ, но Одного и Того же, посредством коих указуется Один Бог и Отец, все содержащий и всему дающий бытие.

4. Что с моими словами согласны проповедь апостолов, учение Господа, возвещение пророков, изречение апостолов и служение закона, которые прославляют Единого и Того же Отца всего Бога, а не разных богов, и (которые свидетельствуют), что Он имеет субстанцию не от различных богов или сил, но что все от Единого и Того же Отца, все устрояющего согласно с природою и назначением подлежащих вещей, и не от ангелов, ни от какой другой силы, но от единого Бога Отца произошло видимое и невидимое и все созданное, — это, думаю, достаточно доказано, равно как доказано и то, что Один Бог Отец и Творец всего. Но дабы не показалось, будто я избегаю доказательств из подлинных Писаний, тогда как действительно они гораздо яснее и открыто возвещают это самое, я для людей благонамеренных посвящу особую книгу тем писаниям и для всех друзей истины представлю доказательства из божественных Писаний.

---

[1] Из этого видно, что крещение младенцев было в обычае древней Церкви. Слова «возраждаются в Бога» указывают на крещение, как ясно открывается из следующего отрывка в сочинении Иринея. См. III книга XVII, I.

[2] Илиада IV, 1. Здесь мы опустили греческие стихи и латинский перевод их.

[3] «Варух» знач. благословенный — одно из употребительных наименований Бога; на евр. языке оно состоит из двух букв, имеющих гласный звук, а последняя, не имеющая такого звука, считается за половину. (Гарвей).

Очевидно, что данные слова идут в разрез с положением Свидетелей Иеговы, что ранние христиане использовали имя Иегова в своих молитвах. Этого не подтверждает ни Новый Завет, ибо не в одной рукописи, ни в одном из свитков нет его. Также в сочинениях ранних христиан мы этого не находим.

[4] «Fines et summitates». Смотрите описание вида креста у Иустина муч. в разговоре с Трифоном. Гл. 91.

[5] Интересное деление характерное для раннего христианства. Обратите внимание под словом «Писание» Ириней понимает лишь Ветхий Завет, Евангелия у него перечисляются отдельно. Все это показывает одно, что для ранних христиан не Писание Нового и Ветхого Заветов было главным, а апостольское предание и Церковь, о чем более подробно будет излагать Ириней в 3-ей книге Против ересей. Таким образом представление Иринея раннего христианина и современных протестанских движений о раннем христианстве сильно расходятся.

---

*Мои конспекты*
***История церкви, патрология, богословие...***
www.mystudies.narod.ru